T8 5/46

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

АЛЕКСАНДР ГАМБАРОВ

У ИСТОКОВ

Рабочее движение
в России 70-х годов

С предисловием В. Н. Залежского

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
издательства «Молодая
Гвардия». Ленинград, В. О.,
5-я лин., д. 28, в количестве
10.000 экземпляров, Ленин-
градский Гублит № 3163

Т8 5/46
инв № 27043

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пролетарской молодежи наших дней меньше всего подобает быть „Иваном, не помнящим родства". Свое „родство" с прежними поколениями рабочего класса она должна хорошо помнить. Правда, достаточно разработанной истории русского рабочего класса, его возникновения и классового оформления в систематической борьбе со своими угнетателями, короче, история русского рабочего движения еще не написана. На это были свои основательные причины. Когда-то на упрек Бернштейна, брошенный ортодоксальным марксистам, что не все части марксистской теории достаточно подробно и глубоко разработаны, Каутский ответил:—„Социал-демократия—не партия профсоюзов, а партия борющихся пролетариев". Поэтому естественно, что ее теоретики и ученые разрабатывают в первую очередь те стороны своей теории, в которых в тот или другой момент своей борьбы партия чувствует реальную, практическую потребность. Эти мысли на мой взгляд вполне применимы и в данном случае. Занятая непосредственной практической борьбой в рядах рабочего класса за его освобождение, партия не имела достаточно времени и сил для детальной разработки истории своего класса, истории его борьбы.

Ныне, когда пролетариат победил, изучение нашего прошлого является уже задачей практического характера. Уже настало время осознать рабочим классом свою собственную историю.

Брошюра тов. А. Гамбарова является как бы одной из глав русского рабочего движения и главой довольно большой важности. Она подводит читателя к самым истокам русского рабочего движения. Она затрагивает ту эпоху, когда русский рабочий класс хотя и начал уже обособляться от крестьянства, но еще не порвал связывающую его с крестьянством пуповину, когда он еще чувствовал себя не столько пролетарием города, сколько крестьянином деревни. Брошюра т. А. Гамбарова „Рабочее движение 70-х гг." прослеживает процесс окончательного оформления рабочего класса, она показывает на каких фактах конкретной действительности происходило это оформление, как перерождалась психология крестьянина-рабочего в классовую психологию пролетариата.

Борьба рабочего класса в 70-х гг., конечно, не могла не столкнуться с революционно-социалистическим движением лучшей части русской интеллигенции того времени. И тов. А. Гамбаров не обходит молчанием этого вопроса. Он отмечает существо социализма того времени и его отношение к зарождающемуся рабочему классу. Тов. Гамбарову удалось выделить то положение, что мог дать народнический социализм пролетариату, и достаточно ясно отметить, почему передовые рабочие того времени, воспитанные в народнических кружках, не могли удовлетвориться народническим социализмом и почему они потянулись к западно-европейскому социализму, воплощенному тогда более рельефно в германской социал-демократии. На программах Северно-русского и Южно-русского Рабочих Союзов автор прослеживает это влияние пролетарского социализма Запада на русских передовиков—рабочих той эпохи.

Молодой пролетарий наших дней прочтет брошюру тов. А. Гамбарова несомненно с большой для себя пользой.

В. Н. Залежский

I

Рабочее движение в крепостной период

Зарождение рабочего класса в России совпадает с появлением первых русских фабрик. Если фабрики на Руси стали возникать в XVIII столетии, то именно к этому времени и относится первичное складывание рабочих кадров. Правда, складывание это носило пока еще разрозненный характер и далеко не отличалось резко выраженным классовым устремлением.

Причину этого приходится искать в условиях развития тогдашнего капитализма, который сам находился в довольно зачаточном состоянии и, как таковой, не мог пустить глубокие корни в русскую жизнь, чтобы отслоить рабочую массу и выделить ее в самостоятельный класс. Задержка эта происходила благодаря условиям феодального строя тогдашней России с его крепостническим укладом, который порождал общую экономическую отсталость страны, задерживающую развитие промышленности в России. Там же, где нет широко развитой промышленности, там не может быть и места для оформления рабочей массы в самостоятельный класс, с его классовыми интересами и классовой борьбой.

Начало оформления рабочей массы в самостоятельный класс произошло в более позднейшие времена и может быть отнесено к началу 70-х годов прошлого столетия, когда в России существовала уже достаточно развитая промышленность, способствовавшая образованию многочисленных кадров рабочих масс.

Со времени возникновения первых фабрик и до 70-х годов прошлого столетия понадобилось, следовательно, более 100 лет, пока русский рабочий смог достаточно окрепнуть и выступить на арену классовой борьбы. Но это отнюдь не исключает того, что в период своей пред'истории, каким можно назвать это столетие, рабочий класс России не имел ярких страниц борьбы со своими предпринимателями.

В указанный крепостной период почти все фабрики и заводы принадлежали или фабрикантам-помещикам, или самому правительству. Работали на таких фабриках исключительно крепостные, а если и встречались среди них вольнонаемные рабочие, то это были только отпущенные помещиками на оброк крепостные крестьяне, которые по своему положению мало чем отличались от крепостных, приписанных к заводу или фабрике.

А если принять во внимание положение рабочих на крепостных фабриках и заводах, то станет вполне понятным, почему с представлением о казенном заводе связывалось понятие о каторге. Положение рабочих на крепостных фабриках было поистине каторжным.

Работа здесь всегда производилась из-под палки. Тяжелые условия труда при 17—18-часовом рабочем дне, скверное питание и отвратительные антисанитарные условия жилья— все это мало чем отличалось от каторжных условий. Эксплоатация крепостного труда не знала здесь никаких границ. За самое малейшее недовольство или ослушание налагалось тяжелое наказание: розги или плеть в руках крепостника служили единственным орудием рабского послушания масс.

Тем не менее даже и в такие глухие времена фабричного бесправия крепостные рабочие прибегали к довольно внушительным формам борьбы, устраивая стачки, волнения, а то и просто бунты против своих угнетателей крепостников-фабрикантов.

О волнениях рабочих на крепостных фабриках можно найти указания в хрониках еще XVII столетия. Но сведения о них настолько отрывочны, что нельзя судить о характере и размерах их. Более полные сведения имеются о движении крепостных рабочих в XVIII и в начале XIX столетия.

По своему характеру эти волнения отличались исключительной стойкостью и солидарностью рабочих. Несмотря на преследования, жестокую расправу при помощи розог, кнута, ссылки в Сибирь и отдачи в пожизненную солдатчину, волнения были довольно продолжительными, и если властям удавалось сломить сопротивление рабочих, то лишь на время. Волнения действительно затихали, но не надолго; по прошествии некоторого времени они снова вспыхивали. Нередко случалось, что начавшиеся волнения рабочих с перерывами тянулись в продолжение нескольких десятков лет, пока рабочие все же не добивались удовлетворения своих требований.

Причиной подобных волнений чаще всего служили непомерно тяжелые условия труда, а поводом—любой предлог: было ли то вмешательство заводских контор в личную жизнь рабочих, например при выдаче дочерей замуж; умышленное удлинение рабочего дня, например работа по праздникам и воскресным дням, или снижение заработной платы на тех заводах и фабриках, где существовал вольнонаемный труд.

Во всяком случае, чем бы ни вызывались волнения, рабочие, рассчитывая на заступничество высших властей, сначала подавали прошения с просьбой оказать «облегчение». Но так как ближайшие власти зачастую сами являлись причиной возмущения рабочих, то им по большей части отказывали. Тогда обманутые рабочие составляли новое прошение, но уже на имя царя, а чтобы оно дошло по назначению, прошение отправляли через специальных «ходоков» из своих же рабочих. Ходокам редко когда удавалось добираться до столицы. Чаще всего по дороге их арестовывали свои же местные власти, а если они и добирались до Питера, то и там их ждала та же участь: их арестовывали и в кандалах водворяли обратно на завод или фабрику, а в наказание за попытку обращения к царю подвергали жестокой расправе кнутом или розгами.

Не видя никакой поддержки, рабочие самовольно прекращали работы, устраивали стачки. Но в таких случаях на помощь фабриканту-помещику приходило обыкновенно само правительство. Для «усмирения» рабочих высылались целые карательные отряды и даже специальные воинские части. Там, где удавалось сломить рабочих, заводская жизнь как бы

снова входила в свою обычную колею, но случалось нередко, что доведенные до отчаяния подобной расправой рабочие возмущались против присланных карательных отрядов и, вооружившись дубьем и рогатинами, выдерживали настоящий бой с войсками, обращая в бегство присланный отряд. Так, например, волнение, вспыхнувшее на Олонецких казенных заводах в 1771 году, закончилось разгромом карательного отряда и арестом самого командира отряда.

Вооружившись отбитыми у солдат ружьями, рабочие в ожидании прибытия новых отрядов правительственных войск приняли все возможные меры к укреплению своего селения, превратив его в настоящую крепость, а чтобы предупредить неожиданное нападение врага, вокруг селения была выставлена стража и по дорогам были выдвинуты заставы. Видя такое сопротивление, правительство выслало против рабочих более усиленные воинские части и даже артиллерию с пушками. Сломив вооруженной силой сопротивление рабочих, правительство жестоко расправлялось с восставшими. Например, на тех же Олонецких заводах трое наиболее видных рабочих были приговорены к 100 ударам кнута, им были вырваны ноздри и раскаленным железом выжжены клейма: на лбу выжгли букву В, на правой щеке—О и на левой—З, что должно означать «возмутитель», и вдобавок сослали на бессрочную каторгу на Нерчинские заводы; четырех рабочих сослали в сибирские гарнизоны на вечную солдатчину; двух на вечное поселение в Сибирь, а 60 человек наказали плетьми и отдали в солдаты [1]).

При этом расправа над рабочими производилась всегда публично для устрашения непокорных, но выходило обратное—подобная мера наказания еще более усиливала озлобление рабочих. Начавшееся движение не прекращалось, а, передаваясь из поколения в поколение, лишь способствовало более сильному закалу рабочих в их борьбе с угнетателями.

Подобные волнения происходили повсеместно. Так, например, на Нижне-Тагильском заводе Демидова на Урале они происходили в 1763 г., на Овзяно-Петровском заводе Казан-

[1]) А. Ельницкий. История рабочего движения в России.

ской губернии—в 1775 г.; на Красносельской бумажной мельнице Петербургской губернии—с 1777 г. по 1802 г. На фабриках Московской губернии волнения происходили последовательно в 1797, 1806. 1823, 1834, 1844 гг.; на одной только суконной фабрике Осокина в Казанской губ. волнения вспыхивали в 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836, 1849 гг.; в Ярославле—в 1806, 1816, 1817, 1818, 1823 гг.; в Воронежской губернии — в 1821 и в 1851 гг.; в Калужской губ.—в 1814 и 1821 гг.; во Владимирской—1823 г.; в Тульской—1837 г.; в Пермской—1829 г. на Нижнесергеевском и Атинском заводах и в 1838 г. на Верхотуринских золотых промыслах; в Оренбургской губ. — в 1829 г. на Юрзень-Ивановском заводе и в 1856 г. на Мариинском прииске; в Вологодской губ.—в 1830 г. на Широгорской писчебумажной фабрике; в Тамбовской губ. на Унженском чугунно-литейном заводе—в 1831 г.; в Пензенской губернии—в 1858 г. на заводе поручика Манухина и еще в целом ряде других промышленных мест.

Из этого хотя бы голого перечисления о месте и времени волнений и стачек все же можно заключить, что даже в глухую пору крепостного бесправия рабочие далеко не ограничивались безропотным подчинением своему хозяину крепостнику-фабриканту, а наоборот, на его крайнюю эксплоатацию и общий гнет отвечали довольно организованным протестом.

Правда, волнения эти не носили еще ясно выраженного классового характера, в них еще не было элементов той классовой борьбы труда с капиталом, которая имела место в позднейших выступлениях рабочих. Причиной этого до некоторой степени служило то, что в эпоху крепостного права отношения между рабочими и помещиками-фабрикантами были до крайности спутаны и носили какой-то патриархальный характер. Но все же эта патриархальность ни капли не мешала осознанию рабочими, что лишь путем совместных усилий сотен своих же товарищей, об'единенных общностью интересов, и возможно неограниченной силе крепостника-хозяина противопоставить свою рабочую силу.

В этом чувстве товарищеской солидарности, в неясных, но в достаточно ощутимых зародышах классового инстинкта и заключается вся могучая сила и историческое значение рабочих волнений крепостного периода. Сливаясь в один общий

поток освободительного движения, крестьянские бунты по деревням и селам и волнения рабочих на фабриках и заводах расшатывали феодально-крепостнический уклад тогдашней России, так что последовавшее в середине XIX столетия «освобождение крестьян» явилось в значительной степени следствием давления на правительство всколыхнувшихся народных масс.

II

Развитие капитализма и рост промышленности

Таким образом, существовавший в России в течение нескольких столетий крепостной порядок незаметно для себя подготовлял свою собственную гибель и рыл могилу, куда вскоре свалился сам под ударами собственных же противоречий.

Задерживая производительные силы страны, крепостной строй в то же время бессилен был остановить рост товарно-денежного хозяйства, которому уже становилось тесно в рамках феодального строя. Накопленные в течение крепостного периода промышленные и купеческие капиталы нуждались в выходе, но выхода внутри России нельзя было найти, раз все богатство страны основано было на формах натурального крестьянского хозяйства, замыкавшегося в рамках собственной продукции и потребления.

Если в самой России при существующем феодально-крепостническом строе нельзя было найти внутреннего рынка, то искать его пришлось теперь уже за пределами России, в тех странах, которые примыкали к владениям России, но которые не были настолько мощными, чтобы смогли оказать достаточно серьезное сопротивление при захвате царизмом внешнего рынка с помощью войны. Такой страной явилась прежде всего соседняя Турция.

Однако предпринятая с целью завоевания внешнего рынка русско-турецкая война 1854—55 гг. закончилась позорным поражением России. Поражение это еще сильнее обна-

ружило основные противоречия существующего крепостного строя. Экономически при крепостном строе Россия должна была задохнуться. Чтобы как-нибудь спасти положение, правительству необходимо было найти тот или иной выход внутри самой же России, тем более, что, благодаря усиливающемуся росту крестьянских и рабочих волнений, наносивших серьезные удары политическому строю, расшатывалось и само хозяйство России.

Чтобы задержать рост крестьянских волнений, с одной стороны, а с другой—дать выход накопившимся капиталам, нужно было освободить крестьян от крепостной зависимости, иначе они сами могли бы «освободиться снизу». Этим-то и об'ясняется, почему непосредственно за поражением правительства во время Крымской войны 1854—55 гг. на очереди во всей своей жестокой необходимости встал вопрос об уничтожении крепостного строя. А так как при этом коренным образом затрагивались интересы крепостников-помещиков, для которых числящиеся за ними земля и сотни, тысячи крепостных «душ» являлись единственным источником доходов, то «освобождение» нужно было так провести, чтобы от этого не пострадали помещики. Согласно первоначально намеченного плана, вместе с «волей» крестьяне безвозмездно наделялись и тем количеством земли, на котором они вели до сих пор свое хозяйство. Но так как с переходом земли к крестьянам разорялись помещики, в руках которых больше не оставалось никаких доходов, то первоначально намеченный план встретил самое серьезное противодействие со стороны крепостников, не говоря о том, что наиболее реакционные среди них были против всяких реформ. Если большинство примирялось с мыслью потерять свои крепостные «души», то оно никак не могло согласиться на переход земли к крестьянам, мысля себе освобождение крестьян без всякого наделения землей. Под давлением помещичьего дворянства правительство принуждено было коренным образом пересмотреть первоначальный план и в конце концов отказаться от него.

Согласно новому плану крестьяне освобождались от крепостной зависимости, но земля, на которой они искони вели свое хозяйство, оставалась в руках помещиков, а если частично и могла перейти, то не бесплатно, а за известный выкуп,

который крестьяне должны были внести за землю. Иными словами, крестьяне должны были купить себе землю у помещиков. При этом стоимость одной десятины земли для крестьян определялась значительно выше ее рыночной цены. А так как такой большой суммой русский крестьянин никогда не мог обладать, то вся стоимость земли в виде систематических налогов должна была быть внесена крестьянами в течение сорока девяти лет. Только после этого крестьяне и могли считать полученную землю своей собственностью. Таким образом крестьянин невольно попадал в новую кабалу. Тяжелое положение его обострялось еще тем, что он получал не всю землю, а лишь незначительную часть; большая доля земли, и при том лучшая по своему плодородию, оставалась неприкосновенной в руках помещиков.

Намечая подобный план реформы, правительство этим самым отказывалось от первоначального наделения крестьян землею без всякого выкупа. А так как подобное «освобождение», являвшееся только замаскированной формой нового закрепощения, могло вызвать серьезные волнения среди крестьян, то правительство долгое время не решалось опубликовать своего манифеста. Составленный реакционным митрополитом Филаретом в витиевато-приподнятом церковно-славянском тоне с целью замаскировать подлинную сущность своего содержания, манифест об освобождении крестьян наконец был подписан царем Александром II 19-го февраля 1861 года, хотя опубликован был лишь 1-го марта.

В опубликованном манифесте ничего не говорилось о земле, о ее количестве и правах крестьян на нее. Сквозь туманные речи манифеста крестьяне смутно улавливали намеки на долгожданную «волю», естественно подразумевая, что вместе с волей они получают и землю. Но каково было глубочайшее разочарование их, когда вслед за манифестом последовало раз'яснение, что крестьяне обязаны в течение 49 лет вносить выкупную плату за землю.

Вспыхнувшие вслед за опубликованием манифеста в целом ряде мест крестьянские бунты достаточно красноречиво обнаружили отношение крестьян к совершившейся реформе. Среди них долгое время жило твердое убеждение, что дворяне подменили «настоящую» волю, скрывают ее, боясь расстаться с землей.

Таким образом, по словам поэта, падение крепостного права, если и «ударило одним концом по барину», то не сразило его, а, наоборот, дало последнему еще больше выгоды в виде выкупа за землю, но зато, ударив «другим концом по мужику», оно экономически свело его на степень еще большей нищеты, чем он находился при крепостной зависимости.

Падение крепостного права и ряд других «реформ», логически вытекающих из факта личного раскрепощения крестьян—реорганизация суда, образование земского и городского самоуправления и т. п.—открыли капитализму возможность быстрого развития. Этому способствовало появление на рынке громадных капиталов, полученных дворянством с крестьян за их освобождение.

Идя навстречу помещичьим интересам в связи с возможно быстрым получением выкупной платы за землю, правительство учредило особые «земельные банки», при посредстве которых помещики могли бы заложить свои земли, получив взамен от правительства соответствующую ссуду. Выкупная плата, которую должны были вносить крестьяне, поступала теперь в руки правительства, которое, располагая довольно внушительным полицейским аппаратом, выколачивало с крестьян последние гроши в виде налогов, не считаясь ни с какими средствами.

Таким образом в руках правительства начали постепенно концентрироваться довольно значительные капиталы, которые оно не замедлило пустить в оборот.

Начавшаяся усиленная горячка промышленного роста с возведением больших фабрик и заводов, проведением сети железных дорог обеспечивала нарождающемуся капитализму в России огромные прибыли.

Успеху роста и развития промышленности отныне способствовали условия уже «свободного труда», так как освобождение крестьян от крепостной зависимости без достаточного наделения землей порождало в среде крестьянства неизбежное расслоение, благодаря которому на внутренний рынок выбрасывались огромные, теперь уже «свободные» кадры рабочей силы, которую можно было эксплоатировать с гораздо большим успехом, чем раньше.

И действительно, в первое десятилетие по освобождении крестьян размеры прибылей предпринимателей-капиталистов доходили до 40%, 50% и даже 70%. Таким образом к началу 70-х годов прошлого столетия Россия определенно вступала на путь капиталистического развития. Нарождавшаяся промышленность естественно стала концентрироваться в крупных городах, привлекая сюда тысячи рабочих, потянувшихся из разоряющейся деревни.

Одним словом, не прошло и десяти лет с момента падения крепостного строя, как Россия стала почти неузнаваемой. Развившиеся еще в большей степени, чем при крепостном строе, товарно-денежные отношения начали проникать все глубже и глубже в недра народного хозяйства, способствуя все большему и большему росту капитала, а с ним и развитию промышленности.

Правда, в течение ближайших десятилетий российская промышленность еще далеко и далеко отставала от размеров западно-европейской. Крупное производство еще не задавало основного тона в стране, попрежнему продолжала господствовать пока еще мелкая промышленность, распылявшаяся на небольшие промышленные единицы. На фоне этой экономической отсталости России иностранный капитал, почуявши в ней достаточно богатую добычу, не замедлил внедриться в русскую хозяйственную жизнь.

Под влиянием притока иностранного капитала, перенесшего на русскую почву промышленность в ее высших и более совершенных формах, в виде огромнейших фабрик и заводов, оборудованных по последнему слову техники и вмещавших в себе целые тысячи рабочих,—произошло то, что России не пришлось пережить затяжного и мучительного периода выработки крупного производства. Крупное производство, благодаря иностранному капиталу, внедрялось в русскую жизнь почти в готовом виде, что в значительной степени облегчало и самый процесс образования рабочего класса.

III

Процесс образования рабочего класса

Освобождая крестьян от крепостной зависимости без достаточного надела землей, правительство этим самым поставило крестьянство в более худшие условия, чем оно находилось раньше. Сделано это было правительством не без заднего умысла. Перестраивая хозяйственную жизнь страны с феодально-крепостных форм на промышленно-капиталистические, правительству нужны были огромные кадры «свободной» рабочей силы. Освободи только правительство крестьян с землей и с землей в достаточном количестве, крестьянин не так скоро бы оторвался от нее, продолжая работать на ней, как работал он в течение целого ряда веков. Прикрепляя землю к крестьянам, правительство этим самым парализовало бы развитие промышленности, для которой не хватало бы просто рабочих рук.

Но так как у крестьян земли было недостаточно, то правительство этим самым разрушало исконную связь русского крестьянина с землей и, обрекая его на малоземелье, этим толкало на поиски новой работы. В условиях малоземелья и без того бедное русское крестьянство разорялось все больше и больше, пролетаризировалось и принуждено было снова отдаться в кабалу, но теперь уж не в помещичью, а в капиталистическую кабалу. Доставшейся земли крестьянам на всех не хватало. Те, кто еще мог оставаться в деревне, те оставались, но кому невмоготу было платить тяжелые подати, те бросались в города на заработки, где их уже ждали огромные фабрики и заводы и где они могли продать свою собственную силу.

Но, попадая даже в город на заработки, крестьянин все же не порывал органической связи своей с землей, надеясь, что по прошествии некоторого времени он снова может вернуться обратно в деревню. Обыкновенно такое возвращение в деревню с фабрики совпадало с началом полевых работ.

Таким образом, отправляясь на заработки в город, крестьянин продолжал еще сохранять свой патриархально-земледельческий бытовой уклад. Временно пристраиваясь на фабрике или в мастерских, даже в обстановке городской жизни они сохраняли характер каких-то крестьянских колоний. И только лишь из года в год перекочевывая из деревни на заработки, втягиваясь постепенно в обстановку городской жизни, такие крестьяне, незаметно впитывая «яд» городской культуры с ее своеобразными навыками, привычками и образом мышления, становились постоянными рабочими и окончательно оседали в городе уже на продолжительное жительство. Такие фабричные рабочие только формально числились крестьянами, так как продолжали еще платить подати, но на деле они были уже заправскими городскими жителями.

Так постепенно рушилась исконная связь крестьянина с землей. Попадая на заработки в город, крестьянин все больше и больше отходил от земли, пока окончательно не отказывался от своего деревенского хозяйства. Распродав, а то и просто покинув свое хозяйство, такой крестьянин приписывался к городскому податному сословию вместе со всей своей семьей, перекочевавшей в город вместе со своим работником.

Окончательному разрыву с деревней способствовало в значительной степени начавшееся развитие крупного машинного производства, которое требовало постоянного состава рабочих, без всякой отлучки их на полевые работы в деревню, так как капиталу не было никакого дела до связи рабочего с землей. Таким образом, благодаря развитию крупного машинного производства, постепенно начал вырабатываться постоянный кадр городских рабочих, органически связанных теперь уже с машиной, но не с землей.

Оседая в городе на постоянное жительство, такой деревенский человек естественно подвергался воздействию городской культуры и, чтобы не лишиться какого бы то ни было

морального мерила, принужден был перестраивать все свои привычки и навыки на городской лад, а вместе с тем и все свое миросозерцание.

Приобщившись к городской жизни, рабочий неминуемо втягивался и в ее культурные ценности, стремясь к приобретению в первую голову элементарной грамоты. Эта законная тяга к умственному развитию обусловливалась желанием подучиться самому, чтобы понять окружающую жизнь со всеми ее противоречиями. Вникая в окружающую заводскую или фабричную жизнь, рабочий постепенно начинал сосредоточивать свое внимание вокруг общих интересов своего класса, вырабатывая новое классовое миросозерцание.

Таким образом под влиянием крупного машинного производства из бесформенной массы обезземелившегося крестьянства, проработавшего некоторое время на заводе, постепенно вырабатывается новый тип человека, связанного теперь исключительно с крупным машинным производством,— т. е. тот городской пролетарий, психология которого резко отличается от психологии деревенского человека. Прокоптившись заводской копотью и дымом, усвоив навыки активного волевого устремления, такой рабочий с отвращением начинает теперь относиться к пассивному земледельческому труду. Приобретенные навыки и привычки под влиянием машинного производства создали из него по преимуществу человека воли, а совместная работа вокруг общей машины над продуктом коллективного труда выработала в нем чувство товарищеской солидарности, которая при столкновении с предпринимателем-капиталистом выливается в форму общности классовых интересов.

Сказанное относится преимущественно к тому типу рабочих, которые проработали много лет на крупном производстве, т. е. к заводскому пролетариату.

Но не то можно сказать относительно фабричных рабочих, которые не успели еще порвать свою связь с деревней, а следовательно, и не успели еще переработать все свое миросозерцание.

Благодаря начавшемуся процессу расслоения деревенской общины и разрушению крестьянского хозяйства, тяга из деревни в город совершалась беспрерывно; поэтому на ряду

с выработанным уже типом заводских рабочих существовал тип полугородского, полудеревенского рабочего. Такая категория рабочих сосредоточивалась преимущественно на фабриках, где не требовалась повышенная специализация и где можно было бы легко порвать с фабрикой и возвратиться на летнее время для полевых работ в деревню.

Такой фабричный человек в сравнении с заводским рабочим представлял довольно заурядную фигуру, сохраняя за собою кличку «серого». «Серый» по большей части был неграмотен, а следовательно, и менее развит, чем заводский. В то время, когда среди фабричных большинство было неграмотно, в среде заводских рабочих грамотные были поголовно все. Кроме того, у «серого» не было стольких навыков к машинному труду, такой личной инициативы и товарищеской солидарности, какой характеризовались заводские рабочие.

Различие в психологии заводского и фабричного рабочего обусловливалось в значительной степени характерами труда каждого. В то время как фабричный рабочий, легко усвоивший механические приемы ткацкого станка или прядильни, в короткий срок может сделаться хорошим рабочим, заводскому рабочему, чтобы сделаться хорошим слесарем или токарем, необходимо потратить целые годы упорного труда.

Но так как промышленность того времени была далеко не развита, то крупное машинное производство занимало все же далеко не первое положение, поэтому кадры заводских, высококвалифицированных рабочих были недостаточно многочисленны. В общей массе преобладала мелкая фабричная промышленность. Поэтому вполне понятно, что в первое десятилетие развития промышленности в наших городах преобладал пока еще тип фабричного рабочего, полуспециалиста.

Что же касается заводских рабочих, то они представляли в то время довольно малочисленную прослойку в рабочей среде, образуя как бы верхушку тогдашнего рабочего класса, в отличие от фабричных рабочих, «серых», у которых была менее ясная классовая психология и которые не успели еще изжить своих рабско-крепостнических отношений к труду и его эксплоатации.

IV

Положение рабочего класса

Благодаря количественному перевесу фабричных рабочих над заводскими, качественный состав пролетариата в первые годы развития промышленности находился на недостаточно высоком уровне. В виду преобладания фабричных рабочих, сохранивших свою связь с деревней, а следовательно, и привычку к подневольному труду,—эксплоатация рабочих принимала самые фантастические размеры, не встречая никакого противодействия со стороны мало развитой фабричной массы.

Не могли оказать противодействия капиталу и более развитые заводские рабочие, слишком малочисленные и поэтому не представлявшие еще грозной силы, способной дать должный отпор эксплоататорским наклонностям фабрикантов. Не малую роль в этом отношении сыграла и невольная отчужденность заводских рабочих от фабричных, к которым они относились довольно свысока, с одной стороны, а с другой и различное отношение самого фабриканта к труду как тех, так и других. В то время как заводские рабочие, представлявшие незначительную группу специалистов-мастеровых, для капиталиста являлись весьма редкими и потому ценными работниками, фабричные составляли просто серую массу.

Дорожа заводским рабочим в условиях зарождающейся промышленности, капиталист старался обставить его и более лучшими условиями существования, надеясь понесенный

«убыток» с лихвой сорвать с фабричных, которых он мог уже беззастенчиво эксплоатировать, как ему угодно.

И действительно, заводский рабочий получал значительно больше фабричного—от 1 р. 25 к. до 2 и даже 3 рублей в сутки, в то время как фабричный всего лишь 60—75 коп. Да и по продолжительности рабочего дня между ними была существенная разница: фабричный работал до 14—16 часов в день, а заводский всего лишь 11—12 часов.

Таким образом, вся сила эксплоатации труда капиталом обрушилась исключительно на фабричный пролетариат.

Благодаря такому различию в положениях заводского и фабричного рабочего и существование их было далеко не одинаковым. В то время как заводские в большинстве жили на своих собственных квартирах, фабричные ютились по артелям и вдобавок жили на хозяйских харчах, что открывало фабриканту уже новую статью выжимания прибылей.

Жилища в таких артелях представляли отвратительные в санитарном отношении конуры, в которых размещались рабочие чуть не всей фабрики по грязным нарам. Держа всю массу фабричных впроголодь, их почти не выпускали из помещений, за исключением тех 14 или 16 часов, которые они должны были отрабатывать на фабрике. Как в артелях, так и на самой фабрике за рабочими был установлен строжайший надзор, при этом малейшее нарушение порядка каралось серьезными штрафами.

Одним словом, фабрикант всеми силами старался поставить рабочего в полную материальную зависимость от себя, убив в нем всякое проявление личности, малейшее выявление какого бы то ни было недовольства. С рабочими обращались, как с низшими существами, донимая назойливой оскорбительностью и презрительным отношением ко всяким духовным проявлениям их. Ставя рабочих в такое положение, хозяин-фабрикант великолепно учитывал, что при таком положении со стороны рабочих он не встретит никакого противодействия в своем безудержном разгуле выжимания последних соков из рабочих масс.

И действительно, при приеме на фабрику в начале 70-х годов почти повсеместно существовали особые «условные правила», которым должен был подчиняться всякий, кто

желает получить место. По этим «правилам» нанявшийся рабочий обязан работать 14 часов в сутки, а именно: в летнее время от 4 часов утра до 8 часов вечера (т. е. 16 часов), из этого времени предоставлялось на обед 2 часа—двенадцатый и первый; в зимнее же время работа производилась от 5 часов утра до 8 часов вечера, на обед отводился всего лишь один час—двенадцатый. Таким образом как в летнее, так и в зимнее время продолжительность рабочего дня определялась в 14 часов чистой работы, а если зимою приход на фабрику определялся часом позже, то все равно этот час фабрикант выжимал из обеденного времени, уделяя на обед перерыв не в два часа, а только в один час.

На тех же фабриках, где существовала непрерывная работа круглые сутки, там устанавливалась система частых смен. Чаще всего практиковалась шестичасовая смена. При такой шестичасовой смене, чтобы отработать 12 часов в сутки, рабочий должен был по два раза являться на фабрику, с шестичасовым промежутком для отдыха, в течение которого он должен был поесть и выспаться. Естественно, что такая система смен с полным игнорированием физиологической потребности в отдыхе расшатывала здоровье рабочих. После годичной работы на фабрике такого рабочего уже просто «ветром качало».

Переходя теперь к размерам заработной платы, приходится отметить, что и здесь произволу фабриканта не было границ. По вычислениям Дементьева, средний месячный заработок взрослого мужчины на своих харчах равнялся 14 руб. 16 коп. и взрослой женщины—10 руб. 35 коп. При хозяйских харчах заработок понижался для мужчины до 7 руб. 22 коп. и для женщины 4 руб. 98 коп. При этом себестоимость хозяйских харчей определялась не в 6 р. 94 к., как показывает разница оплаты мужчины, а всего лишь в 4 р. 94 коп. Следовательно, на одном только продовольствии рабочих хозяин выжимал до 2 рублей чистой прибыли.

Таким образом, полная материальная зависимость фабричных рабочих от предпринимателя создавала почти такие же условия крепостного режима, в которых находился рабочий и до освобождения крестьян. Попытка же подняться всем рабочим на защиту своих интересов расценивалась вла-

стями как «бунт». При этом к услугам капиталиста всегда находился весь государственный полицейский аппарат, который мог подавить всякое недовольство рабочих вооруженной силой. При таких условиях, казалось, не могло быть никакого просвета. Тем не менее жестокая форма эксплоатации сама становилась источником пробуждения рабочих масс, толкая их на борьбу при помощи стачек, которые к началу 70-х годов начинают входить в общий обиход классовой борьбы.

V

Стачка на Невской бумагопрядильне в 1870 году

Несмотря на безудержный разгул эксплоатации фабричного труда, в первое десятилетие по уничтожении крепостного права не наблюдалось еще резко выраженных форм борьбы рабочих с предпринимателями. Причину этого приходится искать в недостаточно высоком классовом уровне количественно преобладавшего фабричного пролетариата. Как было уже сказано, фабричные рабочие смотрели на свою связь с производством, как на временное явление, и свое пребывание на фабрике считали кратковременной отлучкой из деревни. Все помыслы фабричных рабочих в то время сосредоточивались исключительно на вопросах земли, и то, что творили с ними на фабрике, занимало второстепенное место в их общих интересах.

Но стоило только пошатнуться исконной связи рабочих с землей и оторваться от деревни, как интересы фабричного труда постепенно начали занимать в сознании рабочих первостепенное положение. Связанные теперь с производством, они воочию начали убеждаться, насколько эксплоатация их труда затрагивала самое существенное их жизни. А так как помимо фабрики у рабочих ничего не оставалось, то, естественно, что мысль о протесте против непосильного фабричного гнета заставляла рабочих призадуматься над формами возможной борьбы.

Стачка, т. е. отказ от работы с целью принудить хозяина пойти на уступки, являлась единственным средством борьбы, известным рабочим еще из крепостного периода.

Первой стачкой, разыгравшейся в конце десятилетия по освобождении крестьян, явилась стачка на Невской (Александровской) бумагопрядильне в Петербурге в мае 1870 г.

Основным поводом для стачки послужил отказ фабричной конторы повысить сдельную плату, которая на май месяц выразилась в крайне мизерных размерах, благодаря вычетам за обильные в этом месяце праздничные дни. А так как рабочим, вследствие установленных фабричных «правил», приходилось за свой счет нанимать подручных мальчиков для уборки пыли, которым платили от 5 до 6 рублей в месяц, то за вычетом этой суммы рабочим из их жалования почти ничего не оставалось. Когда начал приближаться срок месячного расчета, рабочие пред'явили конторе свои требования повысить задельную плату. Требуя прибавки, рабочие хотели получить жалованье по новым расценкам, отказавшись от жалованья по старой расценке. А так как из опыта они знали, что всякие требования должны быть пред'явлены не единолично, а сообща, то 22 мая 1870 г. 62 прядильщика одного из отделений фабрики прекратили работу и свои требования повысить задельную плату пред'явили самому директору.

Но вместо того, чтобы удовлетворить требования рабочих, директор фабрики, англичанин Бекк, приказал отворить дверь и попросту выгнать всех 62 прядильщиков. Прядильщики ушли. Но на другой день вместо 62 не явились на работу 240 прядильщиков, и огромная фабрика в 800 человек стала. Началась стачка. Весть о происшедшей стачке мигом разлетелась по всему Петербургу, встревожив в одинаковой степени и фабричную администрацию, и полицию, и даже либеральную печать, которая заговорила о стачке, как о совершенно новом явлении в русской жизни.

Получив отказ от директора, рабочие, чтобы действия их не были истолкованы, как «бунт», за подписью всех 800 человек, подали заявление петербургскому обер-полицеймейстеру о всех злоупотреблениях фабричной администрации. 28-го мая на фабрику прибыл помощник обер-полицеймейстера, который, ссылаясь на существующий закон 1866 года о привлечении виновных за всякую стачку, пытался было запугать рабочих, но рабочие стойко держались на своем,

отказываясь становиться на работу, пока не будут удовлетворены их требования. Чтобы как-нибудь сломать сопротивление рабочих, помощник полицеймейстера, в виде ловушки, предложил рабочим для удобства ведения переговоров выбрать из своей среды доверенных лиц. Выбранные пять наиболее передовых рабочих оказались в глазах обер-полицеймейстера Трепова никем иным, как зачинщиками всей стачки. А так как стачка на Невской бумагопрядильне получила уже широкую огласку, то Трепов самолично распорядился предать рабочих суду. Но всех 800 человек нельзя было притянуть к суду, поэтому сфабриковано было обвинение только против 62 прядильщиков, впервые прекративших работу.

13-го июня 1870 года петербургский окружной суд слушал дело о стачке 62 рабочих Невской бумагопрядильни, но и из этого числа только 5 человек выборных рассматривались собственно как зачинщики стачки. Во время суда вся безотрадная картина жестокой эксплоатации рабочих Невской бумагопрядильни получила широкую огласку. Несмотря на давление самого Трепова, суд не нашел рабочих достаточно виновными и ограничился сравнительно слабым взысканием: из 62 человек пять были оправданы, пять же человек выборных были присуждены к 7 дням ареста при полиции, а остальные к трем дням. Решение суда было опротестовано и для пересмотра перешло в судебную палату. Палата нашла возможным оправдать всех 62 прядильщиков.

Таким образом попытка Трепова предать суду всех стачечников не привела ни к чему. Но всесильный в то время Трепов на этом не успокоился. Ему во что бы то ни стало хотелось в слабой попытке рабочих Невской бумагопрядильни отстоять свои экономические интересы увидеть политическое движение. С этой целью на докладе своем Александру II, который, кстати, сам был недоволен мягким приговором суда, Трепову без труда удалось получить «высочайшее разрешение» на высылку из пределов Петербурга хотя бы делегатов.

Не ограничиваясь решением по данному случаю, правительство взглянуло значительно шире на могущие произойти в будущем аналогичные попытки экономических выступлений рабочих. И вот благодаря опять-таки воздействию все того же Трепова, министерство внутренних дел разослало

всем губернаторам секретный циркуляр, по которому губернским властям вменялось в обязанность «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонадежными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу»; в заключение указывалось, чтобы, «не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых, не спрашивая предварительно на то разрешения министерства внутренних дел, в одну из нижеследующих губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Костромскую, Новгородскую. Олонецкую и Симбирскую».

Таким образом на примере стачки Невской бумагопрядильни правительство решительно выявило свою основную позицию по отношению стачек на ближайшее время, подвергая без всякого решения суда административной высылке наиболее видных стачечников. Помимо этого, правительство распорядилось через цензурные комитеты, чтобы в дальнейшем все газеты воздерживались от сообщений о стачках, дабы этим не придавать самим стачкам широкой огласки.

В определении истинной позиции правительства по отношению к стачкам, как новой форме классовой борьбы, и заключается, прежде всего, историческое значение первой стачки на Невской бумагопрядильне в 1870 г. Но этим, конечно, не исчерпывается историческая роль Невской стачки. Значение ее значительно глубже. На примере Невской стачки рабочие увидели, что только при дружной товарищеской сплоченности и общем натиске на фабрикантов-капиталистов рабочие и могут добиться улучшения своего экономического положения.

VI

Стачечное движение провинциальной России в начале 70-х гг.

Во время стачки на Невской бумагопрядильне, встревоженная не на шутку выступлением рабочих, реакционная и либеральная пресса всяческим путем старалась доказать, что рабочие стачки—явление новое и даже чуждое русской жизни, несвойственное основным началам общественного быта и занесено к нам в Россию, как эпидемия, из Западной Европы.

Но отмечая «характер русских рабочих», газеты того времени оказались бессильными понять тот простой факт, что стачка, как форма борьбы рабочих с предпринимателями, продиктована была самой жизнью и вытекала из самого положения жестоко эксплоатируемых рабочих.

И действительно, не успели еще замолкнуть споры — быть или не быть на Руси стачкам, как 20-го августа 1872 г. разразилась новая стачка на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, самой крупнейшей текстильной фабрике в бывшей царской России, насчитывавшей до 6.000 рабочих при 1.640 механических ткацких станках и 239.692 веретенах.

Стачка на Кренгольмской мануфактуре подготовлялась в сознании рабочих долгое время, благодаря тяжелым условиям положения рабочих, существовавшим на фабрике еще со времени крепостного права. Особым полицейским уставом фабричная администрация располагала правом взыскания денежных штрафов от 1 до 10 дней заработной платы и даже правом телесного наказания до 50 ударов розгами. Само собою разумеется, что на ряду с такими правами существовал

и целый ряд других, которые ставили рабочих почти в крепостное положение. Так, например, прежде перерыв на обед давался в 1½ часа, потом он сокращен был до 1 часа 5 мин. и наконец до 55 мин.—промежуток, в который за дальностью расстояния фабрики от жилья нельзя было пообедать, благодаря чему рабочие чаще всего довольствовались холодной или сухой пищей. Против этих-то «правил» и должны были ожесточиться рабочие.

Долгое время рабочие молчаливо переносили все эти правила. Но вот в июле 1872 г. вспыхнула холера, которая быстро начала уносить человеческие жертвы. Потрясенные «ежедневным зрелищем покойников», 400 пришлых каменщиков, не получив ни расчета, ни паспортов, взяли и покинули фабрику. Вслед за ними начались волнения ткачей, которые, собравшись в количестве 500 человек, потребовали для об'яснения самого директора. Попутно была составлена записка с требованием отмены некоторых правил. Директор долгое время не являлся, так что рабочие продолжали оставаться у станков. Но когда 20-го августа появился директор, рабочие решили забастовать. О забастовке сейчас же дано было знать эстляндскому губернатору. Приехавший губернатор потребовал, чтобы рабочие выбрали из своей среды 60 человек для переговоров. Рабочие некоторое время от этого отказывались, но потом согласились и выбрали. В результате переговоров рабочих с одной стороны, а с другой—губернатора, полковника жандармского управления и уполномоченного дирекции фабрики составлен был акт, по которому часть правил отменялась, а часть, наоборот, сохранялась. Удовлетворившись частичными завоеваниями, рабочие возвратились к станкам.

Но зато недовольная отменой некоторых правил фабричная администрация не могла успокоиться. Подкупив двух рабочих, администрация с одобрения полицейских властей начала собирать подписи рабочих за отмену завоеванных новых льгот. Возмущенные подобной провокацией, рабочие решили отправиться к губернатору с жалобой. Предвидя новый скандал, полиция арестовала зачинщиков. Узнав об аресте товарищей, толпа рабочих в 200 человек бросилась в контору, требуя освобождения арестованных. Когда им

в этом отказали, рабочие решили забастовать и во что бы то ни стало освободить арестованных. Пытавшаяся было вступить в переговоры с рабочими полиция была жестоко избита. Тогда были вызваны войска, с которыми тоже произошли столкновения у рабочих,—рабочие бросали в офицеров камнями. Были вызваны новые войска, которые, заняв фабричные казармы и закрыв фабрику на целых пять дней, сломили сопротивление рабочих.

Весть о происшедших волнениях на Кренгольмской мануфактуре особенно встревожила правительство. Назначена была следственная сенатская комиссия, которая, промариновав дело до 1875 года, в конце концов отменила только полицейский устав, существовавший на фабрике с 1857 года. Стачка была подавлена, тем не менее события на Кренгольмской мануфактуре еще раз убедили рабочих, что стоит только лишь дружно взяться всем рабочим за дело, как победа останется все же за ними.

Если так протекали события в крупных промышленных об'единениях, как Невская бумагопрядильня и Кренгольмская мануфактура, то совершенно в иные формы выливались стачки на ряде других мелких фабрик, находившихся в глухой провинции.

Так, например, вспыхнувшая забастовка на фабрике купца Шибаева в Богородске, Московской губ., 24-го апреля 1874 года из-за неправильного расчета проходила очень мирно и кончилась победой рабочих, в виду того, что сам хозяин пошел на уступки. А стачка на фабрике Коншина в Серпухове из-за продолжения работы в ночь с субботы на воскресенье после уступки хозяина закончилась даже благодарственным молебном. Молебном закончилась стачка и на Мышкинских чугунно-плавильных заводах Огаревой-Хрущевой после того, как хозяйка, пойдя на уступки, удовлетворила ходатайство рабочих — обеспечить их усадебной оседлостью. Менее успешно произошла стачка на Никольской мануфактуре Саввы Морозова в марте 1876 года из-за отмены штрафов. Упорством и влиятельностью самого Саввы Морозова штрафы были сохранены. Поведение рабочих во время этой стачки было такое, что даже полицейское начальство и то не усмотрело в ней ничего противозаконного.

VII

Начало революционной пропаганды среди рабочих

Лучшая интеллигенция конца 50-х гг. с энтузиазмом встретила сообщение царского правительства о подготовлявшемся освобождении крестьян. Политический эмигрант Герцен в своем журнале «Колокол» по получении известий о готовившемся освобождении сразу примирился с царем и написал восторженную передовицу, славословившую императора Александра II: «ты победил, галилеянин», — так обращался он к царю.

Однако скоро сделавшийся известным характер «освобождения» начал вселять тревогу в души народолюбивой интеллигенции. А радикальная ее часть, жившая в России и более понимающая совершающееся, стала к правительству и к его планам освобождения в самую резкую оппозицию. Так, Чернышевский писал в 1860 г. Герцену в Лондон: «Ваш «Колокол» должен звонить не к обедне, а звать к топору».

Когда окончательно выяснилось, что правительство превратило «эпоху великих реформ» 60-х гг. в средство нового закабаления народных масс, наиболее чуткая часть молодой русской интеллигенции не могла не стать на путь активной помощи страдающему народу. Романтически настроенная, сознавая свой долг перед народом, поскольку она вышла из рядов господствующего класса, эта часть интеллигенции стремилась сблизиться с народом, помочь ему, в первую очередь, путем внесения в его среду просвещения.

Первый пропагандистский кружок, возникший в самом начале 70-х гг., был кружок чайковцев. В его состав входили

такие выдающиеся впоследствии революционеры, как М. Натансон, Крапоткин, Кравчинский (Степняк), Софья Перовская, Волхонский, Шишко, Синегуб и др.

В первоначальную задачу кружка чайковцев входили чисто просветительные цели. Кружок распространял среди студенчества лучшую легальную и нелегальную литературу. Например, сочинения Лассаля, 1 том «Капитала» Маркса и др. произведения социалистического характера, но вскоре деятельность его значительно расширилась, и чайковцы начали переносить центр тяжести своего внимания с пропаганды среди студенчества на деятельность среди рабочих. С этой целью чайковцы, по выражению Шишко, «рассеялись маленькими группами (коммунами) в центрах фабричного населения: на Выборгской стороне, за Невской заставой, за Московской заставой, на Васильевском острове и знакомились с рабочими, приглашая их к себе на квартиры», где на ряду с просветительной работой—обучением письму, чтению, счету и другим наукам—вели уже чисто революционную пропаганду. Такие пропагандистские кружки были рассеяны не только по рабочим районам Петербурга, но имелись и в Москве, Киеве, Одессе, Харькове и других городах.

К пропагандистам-чайковцам тянулась жадная до знания рабочая масса и, действительно, в первые годы своей деятельности чайковцы успели завести такие связи среди рабочих, что не было ни одной фабрики или завода, ни одной мастерской или артели, где бы они не вели свою революционную пропаганду.

Достаточно сказать, что почти все рабочие-революционеры: Малиновский, Агапов, Петр Алексеев, Виктор Обнорский и даже Степан Халтурин—все они прошли через кружок чайковцев, и в этом кружке окрепли и выработались в стойких борцов рабочего класса.

Так, например, к одному из чайковцев, С. Синегубу, осенью 1873 г. явился один рослый парень, совсем почти неграмотный, с просьбой подучить его «еографии» и «еометрии», и то был знаменитый впоследствии рабочий-революционер, Петр Алексеев, прославившийся своей исторической речью на суде по процессу 50-и.

Пропаганда чайковцев среди рабочих продолжалась до

1874 года, пока правительство, не на шутку напуганное сближением интеллигенции с рабочими, не приступило к усиленным арестам. Вскоре почти весь кружок «чайковцев» был арестован и оказался в тюрьме. Только нескольким отдельным лицам удалось скрыться за границу от преследований правительства. Но начатое дело пропаганды среди рабочих не умерло. Теперь уже среди рабочих нашлись достаточно выдержанные и преданные революционному делу пропагандисты, которые, несмотря на всяческие преследования, сами усиленно повели пропаганду среди рабочих.

Успеху начавшейся пропаганды способствовало и то, что на смену «чайковцам» пришли новые поколения революционной интеллигенции, так называемые «народники», которые сохранили в общем преемственную связь свою с чайковцами, но расходились с ними только по некоторым вопросам. Если чайковцы вели по преимуществу свою работу среди фабричного и заводского пролетариата, уделяя ему все свое внимание, то народники, наоборот, центр тяжести своей работы переносили не на городской пролетариат, а на крестьянство. Крестьянство с его земледельческим укладом являлось в глазах народников той основной движущей силой, которая и должна была совершить социальную революцию в России. Городской же пролетариат в понимании народников не являлся самостоятельной революционной силой, а лишь частицей того же самого народа, т. е. крестьянства.

В перенесении центра тяжести революционной пропаганды на крестьянство народники совершали грубейшую историческую ошибку, благодаря которой вся их программа потерпела полный исторический крах. Опираясь исключительно на крестьянство, народники не замечали или, вернее, не хотели замечать, что на их глазах медленно, но исторически закономерно развивался новый класс городского пролетариата, который по своему развитию и революционной восприимчивости значительно выше был всего крестьянства.

Упование народников, что социальную революцию в России произведет только крестьянство, обусловливалось социальной отсталостью самой России. Народникам казалось, что революция в России не за горами, и чтобы так или иначе обосновать свою революционную программу, они пытались

опереться на крестьянство, деревенская община которого представлялась им продуктом высшей общественной формы. В идеализации «сельской общины»—этой отживающей уже форме феодального строя—они видели зародыши будущего социалистического строя. Кладя таким образом в основу своей программы утопическое положение, что крестьянская община является носительницей подлинно социалистических взаимоотношений, они и всю свою деятельность строили на сплошном идеализме и утопии.

Предприняв попытку массового «хождения в народ», они пытались пробудить в крестьянстве его вековечную революционную решимость, находя таковую в былых бунтах Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Противопоставляя Россию Западной Европе, где революционное движение развивалось под знаком развития промышленности, а следовательно, и активной роли городского пролетариата, народники городскому пролетариату в России не отводили никакого самостоятельного исторического значения. Для них городской рабочий являлся ничем иным, как только проводником революционных идей в крестьянство. Но жизнь обнаруживала совершенно обратное. Спропагандированные городские рабочие в подавляющем большинстве своем не выказывали заметного рвения двинуться вместе с революционной интеллигенцией в народ, т. е. в деревню. При этом нужно сказать, что в то время, когда народники сложились в самостоятельную силу, меж ними самими не было единодушия во взглядах на формы революционной деятельности. К середине 1875 года они уже резко разделялись на народников-пропагандистов-лавристов и народников-бунтарей-бакунистов, по имени основоположников этих течений—Бакунина и Лаврова. В то время, как бунтари-бакунисты шли в народ с призывом бунтов и непосредственных крестьянских восстаний с целью приблизить массу к социальному перевороту,—пропагандисты-лавристы, отрицая систему частичных восстаний, шли в народ с мирной пропагандой, пытаясь путем длительной подготовки воспитать революционное сознание крестьянства. Но как те, так и другие одинаково не отводили городскому пролетариату никакой самостоятельной роли.

VIII

„Всероссийская социально-революционная организация" — Московский кружок

Начавшийся в 1873 г. период массового «хождения в народ» в скором времени закончился полным разгромом почти всех народнических организаций. Большинство членов организаций оказалось запрятанным в тюрьмы. Становилось ясно, что всякие начинания народников неизбежно разбивались о неприступную твердыню российского самодержавия. Народнические организации состояли исключительно из интеллигентов, не прощупавших еще в силу своей отчужденности от общей массы народа достаточно реальных форм революционной пропаганды. Поэтому в дальнейшей пропагандистской деятельности необходимо было наметить такую форму организации, которая представляла бы не ряд единичных попыток «хождения в народ», как это было в 1873—74 гг., а одну единую спаянную организацию, которая не замыкалась бы средой одной интеллигенции, но впитала бы в себя и представителей городского пролетариата, находящегося под боком, а не где-то в отдаленных деревнях и селах.

Мысль о такой смешанной организации интеллигенции и рабочих сама собою напрашивалась после разгрома в 1874 году. Необходимо было эту мысль осуществить и придать ей реальные формы. Такой организацией и явилась возникшая непосредственно после разгрома в 1874 г. «Всероссийская социально-революционная организация» в Москве в начале 1875 года.

Инициатором и руководителем этой организации был Иван Спиридонович Джабадари, грузин по происхождению

и студент медико-хирургической академии по образованию, эмигрировавший после студенческих беспорядков 1874 г. за границу. Воспитанный в обстановке русской революционной борьбы, Джабадари во время эмиграции сорганизовал своих земляков-грузин Чекоидзе, Цицонова, Здановича и сошелся близко с существовавшим за границей революционным кружком цюрихских студенток: Софией Бардиной, Лидией и Верой Фигнер, Ольгой и Верой Любатович, Евгенией, Марией и Надеждой Субботиными, Бетей Каминской, Александрой Хоржевской, Топорковой и другими. Еще до организации вся эта революционная молодежь рвалась в Россию.

Поэтому, когда вопрос о совместной революционной деятельности был решен, заграничная молодежь, оставив свои высшие учебные заведения, решила двинуться в Россию и уже осенью 1874 года была на месте. Выработанная еще за границей программа кружка в условиях российской действительности несколько раз прорабатывалась и дополнялась благодаря накопившемуся опыту революционной практики предыдущих народнических организаций. А так как в задачу новой организации входило об'единение интеллигентных сил с рабочими, то по приезде в Россию немедленно были восстановлены связи с рабочими кружками Петербурга.

В то время на Лиговке существовала еще артель заводских и железнодорожных рабочих, сохранившая свои связи с интеллигенцией еще со времени чайковцев. И вот из этой-то артели и были выделены первые рабочие, которые должны были стать организаторами нового революционного об'единения. Из среды этих рабочих особенно выделялись спропагандированные еще чайковцами: ткач Петр Алексеев, кузнец Василий Грязнов и рабочий Михаил Грачевский.

А так как в Петербурге, благодаря частым провалам, приходилось с каждым годом все труднее и труднее вести революционную пропаганду, то инициаторы решили свою организацию перевести в Москву и здесь среди московского пролетариата развернуть свою деятельность. В ноябре-декабре 1874 года в Москву выехали Петр Алексеев и его брат Никифор, Грачевский и Василий Грязнов, где они довольно быстро завели связи с московскими рабочими.

Выработав в окончательной форме программу и устав новой «Всероссийской социально-революционной организации», инициаторы, располагая довольно солидными денежными средствами, приступили немедленно к практической деятельности. По уставу организации все члены обязаны были поступить простыми рабочими на фабрики и заводы в качестве рабочих и вести там революционную пропаганду. Это правило распространялось не только на мужчин, но и на женщин, большинство которых при помощи П. Алексеева и Грачевского вскоре пристроилось на фабриках в качестве простых работниц. Через два месяца деятельности московской организации была установлена связь и начата революционная пропаганда на 20 московских фабриках и заводах.

Работа организации ставилась широко и давала благоприятные результаты. Московские рабочие постепенно осваивались и втягивались в революционную деятельность организации, выдвинув из своей среды наиболее ревностных рабочих-пропагандистов. При этом самым существенным в деятельности московской организации являлось сближение революционной интеллигенции с рабочими не на почве отвлеченных вопросов пропаганды, а на почве непосредственных и насущных нужд самих же рабочих, их экономической и политической закабаленности. Успех пропаганды обусловливался и тем, что члены организации, сами работая на фабриках, принимали близкое участие в непосредственной жизни рабочих, живя с ними в одних артелях.

Работой только среди московских рабочих организация, конечно, не ограничилась. В марте 1875 года был разработан обширный план перенесения деятельности и в другие промышленные центры—в Иваново-Вознесенск, Шую, Серпухов, Киев, Одессу и другие места. Но неожиданно начались провалы. Благодаря предательству, сначала в Москве, в марте 1875 г., а потом в Иваново-Вознесенске, арестовано было большинство членов организации. Таким образом, благодаря правительственным преследованиям, организация снова была разрушена. Арестованные члены ее попали на скамью подсудимых и через два года предстали перед судом по так называемому «процессу 50-и».

IX

„Южно-русский рабочий Союз“ Заславского в Одессе в 1875 г.

Совершенно самостоятельно от революционных организаций на севере, но идеологически вытекая из основ все того же самого народнического движения, возник в Одессе в середине 1875 года «Южно-русский Союз» Е. О. Заславского, занявший, благодаря отдаленности от петербургских и московских промышленных центров, совершенно обособленное место. По времени это—первая, чисто рабочая революционная организация, пытавшаяся было развернуть свою деятельность среди рабочих отдаленного юга.

Основатель ее, Е. О. Заславский, человек глубоко образованный, по происхождению дворянин, до переезда своего в Одессу примыкал в Петербурге к народническим организациям лавристского толка. Переехав в Одессу и основав здесь подпольную типографию, он повел пропаганду среди одесских рабочих. Но как лаврист, т. е. сторонник мирной пропаганды и длительной подготовки народных масс к социальному перевороту, в отличие от бунтарей, призывавших к непосредственным восстаниям, Заславский всю свою пропагандистскую деятельность среди одесского пролетариата повел в высшей степени осторожно, надеясь в будущем развернуть ее уже в более широком масштабе.

Но жизнь с ее непосредственными задачами, не терпящими отлагательства, диктовала совершенно обратное, тре-

буя в каждый данный момент ответов на поставленные ею вопросы.

В начале 1875 года среди одесских рабочих механического завода Гуллье-Бланшард возникла мысль об организации ссудо-сберегательной кассы. Инициаторы ее, выработав устав, приступили было к вовлечению членов, но сейчас же, на первых порах, натолкнулись на чисто организационные препятствия и растерялись. По совету какого-то рабочего решено было обратиться за помощью к Заславскому, и тут-то жизнь сама выдвинула вопрос организации рабочих масс. Заславский принял приглашение и, вступив в число членов ссудо-сберегательной кассы, повел среди рабочих пропаганду, которая сводилась сначала к свободному обмену мнений на житейские темы, а потом уж на чтение пропагандистской литературы. Под влиянием пропаганды Заславского постепенно вопрос о кассе начал отодвигаться на задний план, уступая место уже чисто пропагандистской деятельности.

Когда через несколько месяцев число членов организации возросло и спропагандированные Заславским двое одесских рабочих, Н. Неудачный и И. Дорошенко, переехали в Ростов на-Дону и там среди рабочих повели такую же пропаганду, Заславский предложил одесским рабочим об'единиться с ростовскими товарищами, положив таким образом основание «Южно-русского рабочего Союза».

Выработав программу и устав, организаторы его, среди которых находились, помимо Заславского, итальянский подданный М. Сквери, Ян Рыбницкий, Ф. Кравченко и В. Мрачковский, развернули целую сеть районных групп по месту наибольшей концентрации рабочих: так образовалась Городская группа, Вокзальная, Бланшардовская и другие, всего около 7 групп, которые об'единили до 200—300 человек, а вместе с ростовскими рабочими и до 600 человек.

В выработанной программе «Южно-русского рабочего Союза» говорится: «Сознавая, что установившийся экономический и политический порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, что этот порядок может быть изменен только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие преимущества и привилегии и

поставит труд основой личного и общественного благосостояния, что этот переворот может совершиться только после сознания рабочими их безвыходного положения и полного их об'единения, мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в Союз под названием «Южно-Российский Союз Рабочих», ставя себе целью: а) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов; б) об'единение рабочих Южно-Российского края; в) будущую борьбу с установившимся экономическим и политическим порядком». Заканчивается программа лозунгом: «Один за всех и все за одного».

Таким образом по характеру своей программы «Южнорусский рабочий Союз», хотя и примыкал к народническим организациям по программе, но заключал в себе черты несомненного влияния соц.-демократич. организаций Запада. Да это и понятно. Как лаврист-народник, Заславский был большим сторонником западного социал-демократического движения, старался проводить его в русскую жизнь. Тем не менее программа Союза во многом отличалась от западноевропейских образцов,—в ней не было указаний на необходимость политической борьбы. В этом отношении, отдавая невольную дань западно-европейскому рабочему движению, Союз по существу оставался все той же народнической организацией, в которой не было места классово-выдержанной идеологии пролетариата. Спутанность программы Союза, таким образом, всецело об'ясняется спутанностью господствовавших в то время народническо-утопических воззрений.

Противоречия, коренившиеся в программе Союза, вскоре привели к образованию оппозиции среди членов Союза. Большинство рабочих было недовольно медлительностью и сужением задач Союза, которые ограничивались «выяснением рабочим их законных прав» и «воспитанием в них чувства солидарности». без требований «активного выступления». Образование оппозиции внутри Союза произошло несомненно под влиянием бунтарей-народников. И действительно, оппозиционно настроенные рабочие в скором времени откололись от Союза.

Во что вылилась бы дальнейшая деятельность Союза—неизвестно. Уже в конце декабря того же 1875 года, по

доносу одного мастерового, Союз был разгромлен, и члены его были отправлены на каторгу.

Тем не менее значение «Южно-русского рабочего Союза» огромно. Помимо того, что он по времени является первой попыткой создания самостоятельной рабочей организации, он в то же время послужил толчком пробуждения рабочих масс на оторванном от центра далеком юге.

X

Общество „Земля и Воля“ и отношение его к рабочему классу

После разгрома «массового хождения в народ» в 1874 г. и провала Московской организации («Всероссийской социально-революционной организации») в 1875 г. народничеству был нанесен серьезный удар не в смысле, конечно, идеологии, а в смысле наличия революционных сил. За время арестов, в период 1874—75 гг., правительству удалось сфабриковать два грандиозных процесса: «процесс 50-и» и «процесс 193-х» («Большой процесс»). не исключая и целого ряда малых. Приведенные голые цифры (по названию процессов) достаточно характеризуют тот количественный урон революционных сил, которые естественно выбывали из строя революционной борьбы.

Но как часто ни следовали один за другим провалы и аресты, правительству не удалось все же сломить беспрерывно усиливавшийся рост революционного движения. Недостатка в революционных силах в России никогда не было. После каждого провала на смену выбывшим борцам шли новые, более стойкие и более выдержанные, чем предшествующие, революционеры, которые своею деятельностью способствовали обогащению опыта новым кадрам. Благодаря этому в России всегда существовала известная преемственность между всеми последующими революционно-народническими группировками.

Так было и в данном случае. Не успело еще правительство разделаться со своими узниками (оба вышеупомянутых процесса происходили в 1877 г.), как в конце 1876 года возникла новая, более сильная революционная организация, общество «Земля и Воля». Об'единив все разрозненные народнические силы, новая организация лишь изменила. вернее, дополнила методы и приемы работы в народе, оставив в полной неприкосновенности и даже еще больше углубив содержание своей программы.

Являясь прямыми последователями Бакунина, землевольцы построили программу свою на безусловной вере в «сельскую общину», как носительницу зародышей будущего социализма.

Отрицая какую бы то ни было преемственность революционного движения в России с западно-европейским, которое в развитии своем шло под знаком капитализма, землевольцы пришли к безусловному утверждению, что «чаша капитализма минует Россию», что Россия имеет свои собственные пути развития, глубоко коренившиеся в народном идеале, что этот идеал заключается, во-первых, в убеждении народа, что вся земля принадлежит только ему, что пользование этой землей принадлежит не отдельной личности, а всему сельскому обществу, т. е. общине, и наконец, что община сама по себе представляет образец самоуправления, решительно враждебного какой бы то ни было форме государства.

Для того, чтобы община привела к торжеству социальной революции, необходимо было, по мнению землевольцев, только очистить этот народный идеал от засоряющего наслоения крепостничества с его патриархальностью, т. е. вытравить в крестьянстве его веру в царя и признание вообще всяких властей, и тогда социальная революция в России обеспечена: народ сам построит такую жизнь, которой так тщетно добивается западно-европейский рабочий класс. Отрицая политические завоевания, землевольцы предполагали, что достаточно поднять деревню к бунту и об'единить все народное движение в одно общее русло, как государственные цепи, коснеющие на народе, сами собою спадут и народ создаст в России свободную федерацию общин.

Поэтому, чтобы поднять деревню, необходимо было бросить туда для агитации все наличные революционные силы землевольцев, но бросить теперь уже не разрозненно, как это было в период «массового хождения в народ», когда каждый самолично мог выбирать себе район действия, а строго организованно, с постоянным пребыванием в народе. Форма такого пребывания в народе вылилась в своеобразные народнические «поселения».

Естественно, что при таком мировоззрении народники-землевольцы не отводили городскому пролетариату никакой самостоятельной роли, ограничиваясь лишь использованием его в качестве посредника между собою и деревенским людом.

Но, считая все же городской пролетариат частицей того же самого народа, свою агитацию землевольцы вели, конечно, и среди него, но не на почве чисто рабочих интересов, а путем преломления содержания всей агитации сквозь призму бунтарского миропонимания. Во время работы своей среди городского пролетариата агитаторы-землевольцы должны были убедиться, что городские рабочие более восприимчивы, чем темная масса крестьянства. А так как между барами, какими в сущности и являлись землевольцы, и серой крестьянской массой всегда существовало средостение и неизбежное недоверие крестьян к привилегированным сословиям, то землевольцы вполне основательно опасались того, как бы на почве агитации не произошло у них с крестьянами недоразумений. Чтобы избежать этого, они и решили использовать спропагандированных городских рабочих в качестве посредников между собою и крестьянством. Выработав из них стойких организаторов, они предполагали двинуть их в народ, надеясь, что городские рабочие явятся более естественными пропагандистами, которым скорее поверит народ, чем интеллигентным землевольцам.

Начатая с этой целью работа среди городского пролетариата вскоре привела землевольцев к довольно печальным выводам. Рабочие охотно сближались с народовольцами, охотно усваивали содержание их революционной пропаганды, но, когда вопрос касался уже фактического ухода рабочих «в народ», последние категорически отказывались от

такой миссии, выявляя свое пренебрежительное отношение к деревне и ко всему ее укладу. Об'яснялось это просто: городские рабочие, совершенно порвавшие связь с деревней, не выказывали никакого интереса к земле, будучи всецело поглощенными вопросами своих чисто городских интересов, вытекающих из фабрично-заводских отношений, которых землевольцы не только не касались, но даже не желали вникнуть в сущность изменившейся психологии рабочего. Для землевольцев нежелание рабочих итти с пропагандой в деревню об'яснялось исключительно испорченностью их городской культурой и полной потерей связи с крестьянством.

При этом нужно отметить, что не на весь городской пролетариат смотрели землевольцы с такой безнадежностью. Разочаровавшись в заводских рабочих, они должны были признать, что фабричные оказывались более восприимчивыми к их пропаганде. Да это и понятно. В то время, как заводские рабочие, давно отошедшие от деревни, успели уже выработать в себе черты классово-пролетарской психологии, фабричные рабочие, еще недавно вышедшие из деревни, сохраняли тягу свою к земле. Попадая в город на временные заработки, они жили самостоятельными артелями и, по прошествии известного срока работы на фабрике, снова уходили к себе в деревню.

Вполне понятно, что к этим полукрестьянам, полурабочим, сохранявшим еще мирской дух деревни, и были направлены все симпатии пропагандистов-народников. Поэтому революционная пропаганда начала постепенно сосредоточиваться на фабричном населении.

Но «серые» слишком туго поддавались обработке землевольцев. Приходилось на пропаганду среди них тратить довольно большое количество энергии, которая далеко не оправдывалась практическими результатами. Вот почему, когда опыт непосредственного хождения землевольцев в народ убедил, что можно обойтись и без посредников-рабочих, силами только одной интеллигенции,—решено было пропаганде среди рабочих придать второстепенное значение.

Переодевшись теперь рабочими и изучив то или иное ремесло, землевольцы сами двинулись в «народ».

Таким образом землевольцы не только не отводили самостоятельной роли городскому пролетариату, но, наоборот, пытались подчинить его своей собственной утопической деятельности. Не затрагивая рабочих в их непосредственных экономических интересах, землевольцы неизбежно должны были потерпеть полное поражение. Единственный из землевольцев, который продолжал еще работать среди городского пролетариата, вникавший постепенно в непосредственные интересы рабочих, был Г. В. Плеханов, разошедшийся впоследствии с народничеством и ставший основоположником русского марксизма.

XI

Рабочие демонстрации 70-х годов

Стихийно накоплявшееся чувство революционного протеста против существующего государственного строя в середине 70-х годов начало захватывать и рабочих, правда, не во всей их массе, а только в верхушке, задетой уже народническо-бунтарской пропагандой. Чтобы придать накопившемуся чувству протеста реальную форму, наиболее сознательной частью петербургских рабочих решено было устроить демонстрацию, но не такую, какая была устроена студентами весной 1876 г. на похоронах студента Чернышева, умершего в тюрьме, но уже чисто рабочую революционную демонстрацию. Предполагалось, что на эту демонстрацию петербургские рабочие явятся в большом числе, во всяком случае не менее 2.000 человек.

А так как инициаторы предполагаемой демонстрации из рабочих были тесно связаны с землевольцами, ведущими среди них пропаганду, то решено было в качестве руководителей пригласить и их. Но уже на ближайших заседаниях по этому поводу выяснилось, что в самой толще рабочей массы эта демонстрация не вызывала того энтузиазма, каким были преисполнены более передовые рабочие. Тем не менее демонстрацию все же решено было назначить на 6-е декабря 1876 г. на площади перед Казанским собором.

В назначенный день, 6-го декабря, утром, на Казанскую площадь начали стекаться бунтарские рабочие кружки. Вначале публики было мало. Пришли только спропагандиро-

ванные рабочие; что же касается остальной «рабочей массы», то она как будто отсутствовала, во всяком случае посторонних рабочих не было видно. К собравшимся рабочим, которые сами не знали, что им делать, начала постепенно приставать и посторонняя публика. Когда рабочих набралось до 250 человек, один из устроителей демонстрации, студент (то был Г. В. Плеханов), произнес горячую речь о бесправном положении русского народа, о гибели лучших борцов за народное дело — Чернышевского, Михайлова, Нечаева. Речь была закончена возгласом «Да здравствует социальная революция», «Да здравствует Земля и Воля». И в тот момент, когда Плеханов произнес эти слова, молодой рабочий Яков Потапов развернул красное знамя с надписью «Земля и Воля». Так как знамя было без древка, то Потапова рабочие подняли на руки, и знамя высоко еще взвивалось над толпой. Это было первое красное знамя, развернувшееся в столице царской России.

Но не успел еще Плеханов закончить речь, как стоявшие неподалеку «для порядка» полицейские ринулись в толпу и начали хватать рабочих. Рабочие набросились на полицейских, смяли их и отбросили далеко за Казанский собор. В это время подоспевшие новые отряды полицейских вместе с дворниками, вооруженными дубинками, врезались в толпу. Началась жесточайшая свалка, во время которой не мало было избито полицейских, тем не менее все же пострадали и сами рабочие. В общем арестовано было 36 человек; правда, самых главных инициаторов казанской демонстрации не удалось задержать, они благополучно скрылись.

Впоследствии был суд над участниками казанской демонстрации. Большинство из задержанных, преимущественно из интеллигенции, было отправлено на каторгу, что же касается рабочих, то их постигла менее суровая кара. Правительство не хотело еще признать, что бунтует не только интеллигенция, но бунтовать начали и рабочие. Так, Потапова, задержанного в конке вместе с красным знаменем, присудили лишь к монастырскому покаянию.

В общем значение казанской демонстрации для большинства рабочих осталось невыясненным. Назревшему протесту против существующего строя не было дано реального

выхода, так как организаторы не сумели соединить идею демонстрации с конкретными фактами недовольства рабочих масс. Тем не менее демонстрация явилась первым открытым выступлением рабочих на улицах столицы и, как таковая, внесла бодрость и оживление в рабочую массу.

Следующая демонстрация произошла больше, чем через год—в январе 1878 года, но теперь уже совершенно по иному поводу, вытекавшему из самого характера рабочих интересов. По небрежности администрации Василеостровского патронного завода, которая допустила хранение прессованного пороха неподалеку от мастерских, где обтачивались снаряды, часто дававшие искру, произошел взрыв пороха. Во время взрыва было убито и тяжело ранено несколько человек. Предстояли похороны шести убитых товарищей. Рабочие были настолько возбуждены этим печальным событием, что решили во время похорон убитых устроить демонстрацию, а пока, предварительно, с помощью землевольцев отпечатали воззвание, в котором связали взрыв на заводе с общим тяжелым положением рабочих. Распространенное воззвание еще больше подняло настроение рабочих. Накопившееся чувство протеста против экономического и политического гнета, естественно, должно было найти выход.

На этот раз инициаторы демонстрации,—рабочие Василеостровского завода и группа вооруженных бунтарей, решив устроить демонстрацию, все же не уяснили деталей и формы ее проведения; благодаря этому на первых порах произошла некоторая заминка. Намеченную речь у самого завода не удалось произнести, и только лишь на самом кладбище кто-то из рабочих попытался было обратиться с призывной речью к собравшимся. Но говорившему не удалось даже развить мысли. Едва он только начал, как предусмотрительная полиция, сопровождавшая процессию на случай «бунта» до самого кладбища, сейчас решила арестовать его.

И вот тут-то стихийно накопившееся чувство злобы против правительственного гнета само собой прорвалось и обрушилось на полицейских. Пользуясь отдаленностью Смоленского кладбища и отсутствием возможного преследования, рабочие избили полицейских. Произошла свалка, которая, благодаря организованности рабочих, вылилась в их победу.

Полицейских задержали и не дали им уйти прежде, чем не скрылись наиболее главные инициаторы демонстрации. Дружный отпор, который дали полиции, влил бодрость в сознание рабочих. Демонстрация эта лишний раз подчеркнула, что успех всякого выступления может быть обеспечен, если само выступление вытекает из реального факта рабочей жизни.

XII

Февральская стачка на Новой бумагопрядильне в 1878 г.

Казанская демонстрация и демонстрация на похоронах жертв взрыва Василеостровского завода — события настолько важные в жизни петербургских рабочих, что после них в сознании рабочих начало складываться убеждение, что стоит лишь только дружно взяться рабочим за то или иное противоправительственное выступление, как успех его до некоторой степени будет обеспечен. За период этих двух выступлений между рабочими и революционной интеллигенцией установились довольно прочные связи, чтобы рабочие на деле увидели, что при новом выступлении они могут рассчитывать на помощь революционеров. Поэтому все последующие выступления рабочих начинают протекать при самом ближайшем участии и поддержке землевольцев, что, с одной стороны, благотворно отражалось на самом ходе рабочего движения, а с другой—революционная интеллигенция постепенно начала согласовывать свою деятельность с интересами рабочих масс. Такое благотворное влияние сутрудничества рабочих с революционной интеллигенцией обнаружилось во время февральской стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г.

Возникла стачка на Новой бумагопрядильне из-за понижения расценок и введения «новых правил», благодаря которым в значительной мере ухудшилось экономическое положение рабочих. Когда эти «новые правила» были об'явлены,

рабочие без всякого предварительного сговора решили забастовать. Фабрика, насчитывающая до 2.000 человек, остановилась.

А так как на Новой бумагопрядильне работали по преимуществу «серые», мало сознательные рабочие, то в их представлении жила еще мысль, что начальство, коль дознается до этих «новых», «бесчеловечных» правил, непременно станет на сторону рабочих. Поэтому, остановив фабрику, рабочие решили отправиться за помощью к ближайшему начальству, каким и являлся пристав. Само собою разумеется, что из этого обращения ничего не вышло. Пристав оказался достаточно хитрым, дипломатичным человеком. Не раздражая рабочих резким отказом, он обещал поговорить с директором. Рабочие некоторое время ждали, но потом ясно увидели, что пристав их попросту водит за нос. «Снюхался с директором»,— заключили рабочие и решили обратиться к самому градоначальнику.

К этому времени существовавший на фабрике революционный кружок в 10—12 человек успел связаться с землевольцами, которые, узнав о стачке, решили принять самое горячее участие в ее развитии. С этой целью землевольцы начали посещать фабрику, ведя усиленную агитацию среди рабочих. За первую неделю стачки рабочие успели присмотреться к некоторым революционерам и определенно установить, что они заодно с рабочими и одинаково враждуют с полицией. Тем не менее между ними все же не было полного контакта. Как ни уговаривали революционеры не обращаться за помощью к градоначальнику, указывая, что подобное обращение все равно бесполезно, рабочие все же настаивали на своем.

Вскоре рабочие сами убедились в бесполезности обращения к градоначальнику. Когда к приехавшему на фабрику помощнику градоначальника обратились рабочие с жалобой, заявив, что они не согласны работать не только на новых, но и на старых правилах, а сверх этого потребовали, чтобы рабочий день был сокращен на два часа без уменьшения расценок и отменены были штрафы,—помощник градоначальника не только не вник в требования рабочих, но, наоборот, пригрозил им даже арестом. После этого рабочие ясно уви-

дели, что революционеры, предостерегавшие их от хождения к градоначальнику. были больше чем правы.

Непосредственно за посещением помощника градоначальника начались аресты. 6-го марта было арестовано несколько человек рабочих, и в том числе и некоторые землевольцы, например, Плеханов. Но, несмотря на аресты, рабочие все же не сдавались и решили во что бы то ни стало найти «правду». И вот тут-то зародилась у рабочих мысль итти к Аничкову дворцу к самому наследнику. За составлением прошения решили обратиться к землевольцу М. Р. Попову. Как ни морщились землевольцы при мысли о такого рода поручении, им все же пришлось согласиться, надеясь, что «вера в царя будет уже разрушена не словами, а опытом». И действительно, прошение, вышедшее из-под пера революционера, совсем не напоминало слезливой просьбы покорных рабочих, наоборот, это было гордое требование, обращенное к власти. «Мы, обманутые рабочие бумагопрядильной фабрики. обращаемся к вашему высочеству с жалобой на притеснения со стороны наших хозяев и полиции» и далее—«мы обращаемся к вам, как дети к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и мы должны положиться на себя и свои руки».

Чтобы отнести такое прошение, решено было итти всем сообща. И действительно, рабочие в количестве 200 человек, двинулись к Аничкову дворцу. Там им не удалось передать прошение непосредственно наследнику. Принявший от них бумагу полковник Козлов обещал передать ее наследнику. После этого рабочим ничего не оставалось, как мирно разойтись, ожидая помощи от наследника.

Но наследник, соблюдая пока строгий «нейтралитет», решил не давать прямого ответа. Стачка начала затягиваться. Не получая никакого содержания от фабрики, рабочие крайне бедствовали, но положение их еще более ухудшилось. когда, по наущению пристава, лавочники перестали отпускать рабочим продукты в долг. Но и в этом случае на помощь стачечникам пришли революционеры. Среди интеллигенции и студенчества начались усиленные денежные сборы:

собрано было около 1.000 рублей, которые по мере поступления сейчас же раздавались рабочим. Таким образом материально поддерживаемые революционерами рабочие могли еще долго продолжать стачку.

К этому времени «нейтралитет» наследника разрешился. Вместо удовлетворения требований рабочих начались усиленные правительственные распрессии, началась новая полоса арестов среди рабочих. Полиция стала врываться в квартиры и насильно уводить рабочих на фабрику. Доведенные до крайности правительственными репрессиями, рабочие должны были прекратить стачку, но, даже прекращая ее, они все же оставались со своей затаенной мыслью, что покоряются не надолго и при первом удобном случае опять забастуют. Что же касается надежд на наследника, то отношение к нему выразилось в довольно четкой форме: «Нечего было и ходить к нему,—только даром сапоги трепали».

XIII

Противоречия народнической пропаганды с практикой рабочего движения

Несмотря на сближение и несомненную тягу рабочих к народническим организациям, меж ними не существовало полного единодушия во взглядах на формы революционной пропаганды интеллигенции среди петербургского рабочего класса. Выше было указано на основное положение народнической программы, опирающейся исключительно на крестьянство и видящей только в нем одном единственного носителя социального идеала и творца грядущей революции. Что же касается городского пролетариата, то ему народники не отводили никакой самостоятельной роли, отводя лишь служебное положение.

С самого начала сближения революционного народничества с рабочим классом этот взгляд на служебное положение городского пролетариата в революции таил в себе те противоречия, которые так или иначе должны были вскоре выявиться. Правда, с самого начала противоречия эти не сказывались с такой силой, как в последующее время, но и в это время они все же давали глубоко чувствовать остроту непонимания революционной интеллигенцией задач рабочего класса.

Пока роль народников сводилась к культурно-пропагандистской деятельности, пока интеллигенция шла в рабочую среду исключительно с мыслью просветить, обучить грамоте и помочь благодаря грамоте выбраться рабочим из тьмы и нищеты, пока городской пролетариат не успел еще достаточно окристаллизироваться и вылиться в самостоятельный класс со своими классовыми интересами,—до тех пор работа народников шла параллельно и совпадала с запросами городских

рабочих. Но коль скоро рабочий класс начал приобретать характер самостоятельной силы, отношение его к народникам с их стремлением сделать рабочих посредником между собою и крестьянством должно было встретить самое серьезное противодействие и привесть к несомненному расхождению.

Уже со второй половины 70-х годов, когда на очереди перед революционным народничеством был поставлен вопрос о постоянных поселениях среди крестьянства, интеллигенты наткнулись на упорное нежелание рабочих двинуться в народ. В этом отказе рабочих от пропагандистской деятельности среди крестьянства уже обнаруживалось наличие серьезных расхождений.

В дальнейшем, по мере развития рабочего класса и осознания им своих собственных задач, таившиеся противоречия еще больше углубились. Достаточно указать на тот факт, что во время казанской демонстрации—этого первого, хотя и искусственно подогретого факта выступления рабочих. бунтари не обнаружили должного понимания интересов рабочих. Накопившееся чувство протеста против существующего государственного и экономического строя в сознании рабочих не было выявлено в конкретные формы и не вытекало по поводу конкретного случая. Отсюда вполне понятно, почему идея казанской демонстрации так и осталась малопонятной для рабочей массы.

Причина подобных противоречий коренилась, конечно, в экономическом развитии тогдашней России. В то время как программа народников являлась продуктом дореформенных устремлений революционной мысли и в дальнейшем, в течение последующих десятилетий, по существу не изменялась, претерпевая лишь некоторые чисто тактические вариации,— в это время пореформенная Россия уже вступила в полосу кардинальных изменений. Из феодально-земледельческой Россия постепенно становилась промышленно-капиталистической страной. Начавшийся процесс развития промышленности создавал постепенное расслоение общества на классы, выделяя промышленный пролетариат в совершенно самостоятельный класс.

Таким образом факта закономерного обособления рабочего класса народники не учли. продолжая льстить себя

надеждой, что «Россию минует капиталистическая чаша». Нечего говорить, что в этом отношении народники жестоко ошибались, совершая грубейшую историческую ошибку. Уже к середине 70-х годов они должны были признать, что «чаша» эта уже коснулась России, а раз коснулась, то, следовательно, неизбежно должен был совершиться и процесс образования рабочего класса. Этот факт не хотели признать народники, не учитывали его, а если и учитывали, то ни на одну иоту не изменяли своей программы, не приспособили ее к запросам рабочего класса и даже не произвели перегруппировки сил.

Получилось, что народническая программа говорила одно, а жизнь диктовала совершенно другое. Все упования народников на революционную роль крестьянства разбивались на их собственных же глазах,—крестьянство спало, и спало, казалось, непробудным сном. Единственно бодрствующим являлся городской пролетариат, но ему-то как раз народники и не уделяли должного внимания. Так постепенно инициатива борьбы начинала переходить к пролетариату, толкая его на путь чисто классовой борьбы.

К середине 70-х годов пролетариат уже настолько обособился, что в России существовали одновременно две революционные силы: одна — революционная интеллигенция, а другая—рабочий класс. А так как между двумя этими силами не было органического единства, то, естественно, между ними неминуемо должен был произойти антагонизм.

Фальшивое отношение народников к рабочему классу, вытекавшее из противоречивости самой народнической программы, не могло, конечно, не осознаваться наиболее передовыми представителями рабочего класса, которые сами пытались построить свою чисто рабочую программу и повести революционную деятельность пролетариата самостоятельным путем, какой диктовался самой жизнью и вытекал из конкретных форм закипавшей классовой борьбы. В этом отношении довольно знаменательно утверждение Плеханова, бывшего в свое время видным народником, что «к началу 1879 г. рабочее движение переросло народническое учение на целую голову». И действительно, в «перерастании на целую голову» и лежит основная причина создания первой самостоятельной рабочей организации—«Северного Союза Русских Рабочих».

XIV

„Северный Союз Русских Рабочих“

Постепенно назревавшие противоречия между программой народников и практикой рабочего движения заставляли передовых рабочих обособить рабочие кружки от влияния землевольческой пропаганды. Количество рабочих кружков к этому времени значительно возросло. Не было почти ни одного района в Петербурге, где бы не существовало самостоятельного рабочего кружка. Из этих кружков постепенно выделялись довольно развитые и влиятельные руководители рабочего движения, как, например, Виктор Обнорский, Степан Халтурин, С. Виноградов, Д. Смирнов, Бамбин, А. Петерсон, Мясников, Бачин, Гусев, Павлов, Чуркин, Гаврилов, Волков и др. Из них двое первых—Виктор Обнорский и Степан Халтурин по своему развитию и общей подготовке превосходили даже некоторых землевольцев. Вот эти-то двое рабочих—Виктор Обнорский и Степан Халтурин—и явились основоположниками «Северного Союза Русских Рабочих».

Образованию Союза предшествовала длительная агитация среди рабочих кружков со стороны Виктора Обнорского и Степана Халтурина, пользовавшихся колоссальным влиянием в рабочей среде. Агитация эта началась задолго еще до формального возникновения Союза и закончилась в декабре 1878 года (заседания 23 и 30 декабря), когда была утверждена программа Союза, опубликованная 11 января 1879 г. «Северный Союз Русских Рабочих» явился в результате слияния всех петербургских рабочих кружков в одну единую рабочую организацию. С этого времени все местные кружки стали являться ветвями единого Союза. При каждом

местном кружке имелась своя конспиративная квартира, касса и даже маленькая библиотечка. Каждым кружком заведывал выборный небольшой комитет, который входил, как часть в целое, в Центральный Комитет, об'единявший членов всех местных комитетов. В распоряжении Центрального Комитета находилась центральная касса и союзная библиотека, довольно солидная по тому времени, подразделенная на несколько частей, которые, в виду возможного провала, хранились при различных кружках. Во всяком случае при каждой кружковой библиотеке имелся полный каталог книг всей библиотеки, так что каждый член мог достать любую книгу, стоило ему только заявить об этом библиотекарю.

Число членов Союза быстро возростала. Уже с первой недели своего существования Союз насчитывал до 200 членов и такое же количество сочувствующих, не посвященных пока еще во все тайны организации. Таким образом Союз представлял довольно сложную организацию, пытавшуюся охватить большинство промышленного пролетариата Петербурга.

Управлялся Союз, как уже было сказано, Центральным Комитетом, который регулярно собирался два раза в неделю на хорошо законспирированной квартире. Ведению Центрального Комитета подвержены были все дела Союза. Но в дальнейшем, под влиянием требований самой жизни, аппарат управления был значительно упрощен. Так как часто случались такие дела, которые требовали немедленного разрешения, а ждать до очередного собрания Центрального Комитета не представлялось возможным, то по инициативе Степана Халтурина из состава Центрального Комитета был выделен особый Распорядительный Комитет в составе наиболее влиятельных лиц, который и решал все чрезвычайной важности дела. Возникновение Распорядительного Комитета относится уже ко времени второй стачки на Новой бумагопрядильне в январе 1879 года.

Обособливая Союз от землевольческого влияния, организаторы его всяческим путем оберегали от интеллигенции. По уставу Союза членом его мог быть только рабочий, что совершенно закрывало доступ интеллигентам-землевольцам. Но так как рабочие не имели своего печатного станка и своей газеты, то связь у них продолжала существовать некоторое

время с землевольцами. Для того, чтобы окончательно обособиться и иметь свое печатное слово, свою типографию и свою газету, решено было в самое ближайшее время поставить союзную типографию. С этой целью один из организаторов Союза, Виктор Обнорский, летом 1878 года выехал за границу, где и ознакомился с постановкой типографского дела и вывез печатный станок. Попутно за границей Обнорский присмотрелся к западно-европейскому рабочему движению и изучил его программы. За границей Обнорский сблизился с Павлом Аксельродом. хоть и бывшим бунтарем-землевольцем, но достаточно близко знакомым с социал-демократическим движением в Германии. Через Аксельрода произошло знакомство Виктора Обнорского с программами германской социал-демократической партии, которые оказали громадное влияние при выработке программы Союза.

После возвращения Обнорского из-за границы осенью 1878 года началась деятельная подготовка и разработка союзной программы. Окончательно она была утверждена на генеральных заседаниях Союза 23 и 30 декабря 1878 года. Одновременно с программой был принят и устав.

Уже с первых строк этой программы ясно сказывалось влияние западно-европейского рабочего движения: «Северный Союз Русских Рабочих», тесно примыкая по своим задачам к социал-демократическим партиям Запада, ставит своей программой...» Далее следовало перечисление пунктов программы, выражающих основные социалистические требования: ниспровержение существующего политического и экономического строя, учреждение федерации общин, уничтожение поземельной собственности и т. д. Хотя эти требования и были продиктованы самими рабочими, но в них все же проскальзывало наличие не выветренного влияния народнических положений. Тут авторы программы не могли не отдать должной невольной дани народническому воздействию. Но зато в последующей части программы было выставлено совершенно новое положение—требование политических свобод: свободы слова, печати, права собраний и сходок, уничтожения сословных прав и преимуществ, уменьшения количества постоянных войск, отмены косвенных налогов, ограничения рабочего дня и т. д. Словом. в этой части программы

рабочие открыто заявляли, что они выступают на путь политической борьбы. Выставляя требования политической борьбы, рабочие значительно уходили вперед в сравнении с программой народников-землевольцев.

Устанавливая требование политической свободы, этим самым рабочие разрывали и свою связь с народническим учением, мотивируя, что завоевание свободы является одной из существенных предпосылок осуществления социальной революции.

Выработанная программа была отпечатана на страницах органа «Земля и Воля» 11 января 1879 г., где со стороны народников она встретила горячие нападки. Но нападками этими рабочих нельзя было запугать. Особым письмом в редакцию «Земли и Воли» рабочие ответили, что они «не Сысойки» т. е. не та деревенщина, для которой свобода не играет никакой роли. «Рабочие уже вышли из этой (деревенской) жизни, они начинают сознавать вокруг них происходящее, а главное организацию они создают не ради нее самой, а для дальнейшей пропаганды и активной борьбы». Уже в этом подчеркивании, что они «не Сысойки», рабочие резко отмежевывались от всей крестьянской массы, на которую только и опирались народники.

Планы Союза выходили далеко за пределы народнического учения. У организаторов Союза имелись предположения раскинуть союзную сеть по всей России, об'единив таким образом рабочих России в единую Всероссийскую рабочую партию по образцу партий в Западной Европе. С этой целью Степан Халтурин посетил ряд промышленных центров на Волге, Урале, где и завязал необходимые для об'единения связи. Но Союзу не удалось осуществить свои намерения. Начавшиеся с весны 1879 года правительственные преследования всей силой обрушивались в первую голову на Союз. Подвергаясь неоднократным провалам, Союз был вскоре разгромлен и прекратил свое существование. Во всяком случае ближайшие события рабочей жизни носили явные следы влияния Союза, протекая под знаком классовой борьбы, как, например, петербургские стачки 1879 года.

XV

Петербургские стачки 1878—1879 годов.

Возникновению «Северного Союза Русских Рабочих» предшествовала широкая полоса стачечного движения в 1878 году, достигшая особенного своего напряжения в январе 1879 г. Выше уже указывалось на февральскую стачку на Новой бумагопрядильне в 1878 г. Вслед за этой стачкой стачечное движение начало охватывать не только такие большие фабрики, как Новая бумагопрядильня, но и значительно меньшие.

Так, на фортепианной фабрике Беккера стачка возникла в августе 1878 года из-за уменьшения заработка, а также из-за квартирных условий, при которых хозяин, в целях сокращения расходов, решил согнать рабочих с занимаемой у него квартиры. Забастовавшие рабочие принудили хозяина сдаться и пойти на уступки. В сентябре месяце произошла забастовка на табачных фабриках из-за уменьшения расценок—сначала 24 сентября на фабрике Мирчи, а через два дня по тому же самому поводу и на табачной фабрике Шапшал. Как в том, так и в другом случае забастовали женщины, так как уменьшение расценок касалось преимущественно их. Дружно проведенная забастовка кончилась победой работниц на обеих фабриках.

Разбитые в февральской стачке рабочие Новой бумагопрядильни давно уже ждали случая для новой стачки. Эксплоатация на этой фабрике согласно «новых правил» давала остро чувствовать себя. Желая так или иначе сократить эту

эксплоатацию, рабочие решили устроить себе праздник и 8-го ноября (Михайлов день) взяли да и не явились на работу. Пропущенный день принес хозяевам фабрики огромные убытки. Чтобы как-нибудь восполнить эти убытки, директор решил набавить по ¼ часа на каждый день. Первые два дня рабочие вели себя тихо, а на третий день ровно в 8 часов взяли и завернули главный газопроводный кран и с криками густой толпой покинули фабрику, нарочно испортив в темноте несколько основ и выбив несколько оконных стекол. Несмотря на все старания фабричной администрации и даже полиции, виновников не удалось обнаружить,—рабочие держались стойко и никого не выдавали. Четвертьчасовая надбавка была отменена.

Не успели еще умолкнуть разговоры о недавней стачке на Новой бумагопрядильне, как забастовала прядильная фабрика Кенига, за Нарвской заставой, в конце ноября месяца. Причиной стачки являлось, конечно, тяжелое материальное положение рабочих, которое значительно обострялось всевозможными штрафами; поводом же послужила забастовка мальчиков, которых хозяин, в целях сокращения расходов, заставил убирать «пыль» (отбросы). Прежде эти отбросы убирали женщины. Отказавшись от новой сверхположенной работы по уборке пыли, мальчики забастовали. Не церемонясь с ними, хозяин фабрики рассчитал всех подростков, но за мальчиков вступились взрослые и сами об'явили забастовку,—фабрика стала.

На этой фабрике революционная пропаганда не велась, но забастовавшие рабочие, зная, что на Новой бумагопрядильне есть люди, которые помогают стачечникам, обратились к ним за помощью. Одновременно с обращением к революционерам рабочие обратились и в полицию. Здесь они встретились с самим Кенигом, который под прикрытием жандармов начал угрожать рабочим. Явившаяся на фабрику полиция начала хватать рабочих и тащить их в III отделение. Тогда рабочие решили 2 декабря отправиться к наследнику к Аничкову дворцу, но по дороге их задержали и не пустили дальше.

Кончилась стачка тем, что Кениг рассчитал всех поголовно рабочих и набрал новых. Впрочем, стойкость вести

борьбу хозяин не смог убить в рабочих. Рассчитанные рабочие, благодаря стараниям революционеров, были определены на другие фабрики, благо, что из 200 человек—взрослых на фабрике было только 80.

Но самой серьезной стачкой явилась стачка на Новой бумагопрядильне, разразившаяся 16 января 1879 г., к которой примкнули рабочие фабрики Шау. 15 января на Новой бумагопрядильне было вывешено об'явление о расчете 44 рабочих-«бунтовщиков» с угрозой, что и впредь за всякий «бунт» рабочих будут рассчитывать. Рабочие это заявление встретили с негодованием, изорвали его и прекратили работу. Начались сходки рабочих, на которых было решено выставить свои требования: во-первых, чтобы все рассчитанные 44 товарища немедленно были снова приняты, далее, чтобы рабочий день сократили на 2½ часа, а поштучную плату увеличили на 5 копеек, потом, чтобы отменили штрафы и уплатили рабочим за время стачки и т. д.

Когда слухи о стачке на Новой бумагопрядильне достигли фабрики Шау, рабочие последней тоже решили забастовать и приступили к выработке своих требований. На совместных собраниях рабочих обеих фабрик обсуждался вопрос помощи стачечникам. Союз и союзная касса заработали во-всю: помимо союзных денег, которые были израсходованы все, средства начали поступать и от землевольцев. Одновременно с оказанием помощи стачечникам были отпечатаны две прокламации (кажется первые в России): одна от рабочих Новой бумагопрядильни, а другая от фабрики Шау ко «всем петербургским рабочим», в которых рабочие призывались к дружной поддержке начатых стачек. Заканчивались обе прокламации возгласом: «все за одного и один за всех».

Отпечатанные прокламации разбрасывались рабочими на многих фабриках, везде вызывая сочувствие стачечникам. Но одновременно с нарастанием стачечного возбуждения начали усиливаться и полицейские репрессии. Среди рабочих начались аресты. Когда слухи об арестах достигли обеих фабрик, рабочие решили освободить товарищей, для чего отправились в полицейский участок, но из полицейского участка их прогнали. Собравшись снова, рабочие вынесли постановление, что они «отказываются от всякого вмешательства

полиции в примирении их с хозяевами». С этим заявлением они пошли было к градоначальнику, требуя освобождения арестованных, но по дороге на них напал отряд конных жандармов, который принялся немилосердно избивать безоружных рабочих. Аресты продолжались и по квартирам, куда врывались жандармы и тащили всех в III отделение, не считаясь с возрастом и полом,—тащили женщин, тащили стариков и детей.

По распоряжению полиции лавочникам было строго запрещено продавать продукты. Положение стачечников было отчаянное. На фабрике Шау все рабочие были рассчитаны. К этому времени стало известно, что арестованных малолетних в участке жестоко высекли. Что же касается взрослых, то часть их выслали в Вологодскую губернию, а часть на родину. Во время этой стачки полицейские расправы переходили всякие границы: жандармы врывались в квартиры и насильно тащили на фабрику, где под угрозой заставляли работать. После десяти дней стачки фабрика частично заработала. Через несколько дней стачка была сломлена, и работа, вопреки воле забастовщиков, снова началась.

Таким образом на примере последней январской стачки уже ясно обнаружился несомненный сдвиг в сознании рабочих масс в сторону классовой борьбы. Начавшееся перерождение рабочих масс заключалось в установлении товарищеской солидарности между рабочими различных фабрик, во взаимной материальной поддержке и общей небывалой организованности, какую проявили стачечники. На успех развития стачки имел огромное влияние «Северный Союз Русских Рабочих», от имени которого шло руководство стачечной борьбой. Стачка явно обнаружила, что рядом с революционерами-народниками выросла новая более грозная сила—рабочий класс, с которым должны были считаться отныне революционные организации. И, действительно, под давлением январской стачки 1879 г. начал постепенно обнаруживаться несомненный сдвиг в воззрениях такого выдающегося народника, как Г. В. Плеханов.

XVI

Рабочее движение в провинции к концу 70-х годов

Упомянутые выше стачки относятся к движению петербургских рабочих. Но это не значит, конечно, что рабочее движение имело место только в Петербурге и не захватывало других мест. Нараставшая волна рабочего движения постепенно проникала и в провинциальную Россию. Правда, в провинции рабочее движение протекало менее интенсивно и менее выдержанно, чем в столице. Провинциальные рабочие кружки существовали помимо Петербурга и в Москве, в Одессе, Киеве, Ростове, Харькове и в других более или менее крупных промышленных центрах. Но в провинции они не носили такого однородного характера, как в Петербурге. Они были более пестры по своему составу, благодаря тому, что включали на ряду с промышленными рабочими интеллигенцию и ремесленников. Но все же, как ни незначительны были результаты пропаганды в таких кружках, заслуг этих провинциальных кружков нельзя отрицать—они будили рабочую мысль и звали на борьбу против социальной несправедливости и капиталистического гнета.

Отмечая успехи рабочего движения по отдельным провинциальным городам, приходится установить, что Москва хотя и занимала второе место по развитию промышленности в России, но рабочее движение в ней протекало значительно

слабее, чем даже в некоторых крупных южных городах, как, например, в Одессе, Киеве и Ростове.

Первым серьезным выступлением провинциальных рабочих была одесская стачка рабочих железнодорожных мастерских на Большом вокзале в 1877 г. Стачка эта произошла из-за снижения заработной платы литейщикам, к которым в знак солидарности примкнули и другие рабочие. Эта стачка протекала поразительно дружно. Когда администрация попыталась было заменить забастовавших рабочих другими с частного завода, литейщики вышли им навстречу и уговорили вновь прибывших не становиться на работу. Точно так же не удалось администрации поставить на работу специально выписанных из Херсона рабочих, которых также уговорили стачечники. Благодаря такой солидарности стачке удалось протянуться целых 3½ недели.

Следующий, 1878, год в Одессе ознаменовался бурной демонстрацией рабочих в связи с политическим процессом над Ковальским и другими. Непрекращавшееся брожение в среде одесских рабочих способствовало тому, что к лету 1879 года в Одессе возник «Южно-русский рабочий Союз». Программа этого союза была выработана П. Аксельродом, а устав написан Я. Стефановичем. Правда, этому союзу не удалось развернуть такой деятельности, какую развернул перед этим союз Заславского в 1875 году.

Из других крупных событий на юге России нужно отметить «бунт» ростовских рабочих в апреле 1879 года. Стихийно накоплявшееся чувство протеста за все годы бесправия так же стихийно и малоорганизованно вылилось у ростовских рабочих, не оставив никаких реальных результатов. Произошел этот «бунт» из-за ареста одного рабочего, которого по дороге в участок полиция жестоко избила. А так как это избиение происходило на глазах целой толпы, то рабочие бросились на полицию и не только освободили арестованного товарища, но разогнали полицию и даже начали громить полицейские участки. Местные власти настолько были перепуганы и дезорганизованы этим «бунтом», что бежали из Ростова. Таким образом Ростов целых два дня находился в руках рабочих. На третий день подоспели войска и вооруженной силой «водворили законный порядок». Ростовский бунт

только успел показать рабочим их собственную грозную силу, но не больше.

Что же касается центральных районов, то стачечное движение имело место в начале 1879 года на Долматовской мануфактуре Миндовского и Кокорева в Кинешемском уезде. Поводом послужило взыскание с артели рабочих какого-то долга. В ответ на требование долга рабочие потребовали прибавки. По настоянию прибывшего на фабрику исправника, фабричному управлению предложено было рассчитать рабочих. Когда начали производить расчет, рабочие отказались от забастовки и возобновили работы.

Аналогичные с этим события произошли и на фабрике Зубкова в с. Иваново Владимирской губернии в июне 1879 г., где рабочие запросили прибавку на 8%. Узнав об этом, рабочие других отделений потребовали уже прибавку в 10%. Приехавший на фабрику в нетрезвом виде хозяин Зубков хоть и согласился на прибавку, но заявил, что за эту прибавку он «зимой еще наездится» на рабочих. Возмущенные такой угрозой рабочие потребовали, чтобы прибавка была продлена не до 1 октября 1879 г., а до пасхи 1880 г., и в знак своего требования забастовали. Но тут вмешалась полиция и «согласила» хозяина на прибавку в 12%, но только лишь до 1-го октября. А так как рабочие настаивали на продлении договора до пасхи, то полиция, изменив свое решение, предложила хозяину рассчитать всех рабочих. Не доведя дела до расчета, рабочие возобновили работу. Тем не менее несколько человек зачинщиков все же были преданы суду и высланы на родину.

Совершенно в стороне от классового движения рабочих находился возникший в Киеве в 1880 году «Южно-русский рабочий Союз» Щедрина и Ковальской, о котором упоминалось выше. Этот Союз не имел ничего общего ни с «Южно-русским рабочим Союзом» Заславского, ни «Северным Союзом Русских Рабочих» Халтурина и Обнорского. Работа велась довольно своеобразно.—агитация и пропаганда отрицались, зато вводился фабричный террор, т. е. поджог фабрик, мастерских и заводов, а также убийство хозяев. Этим путем организаторы его пытались поднять революционный дух у рабочих. Само собою разумеется, что влияние Союза шло

в разрез с основными требованиями классовой борьбы пролетариев. Союз не мог долго просуществовать и в скором времени распался, так как с арестом Щедрина и Ковальской никого уже больше не оставалось, кто бы продолжал эту работу. Не имея ничего общего с массовым рабочим движением, означенный Союз являлся сколком той террористической борьбы, которую возглавляла партия народовольцев-террористов.

XVII

Рабочие вожди 70-х годов

Рабочее движение в России знало не мало выдающихся личностей из среды самих же рабочих, сыгравших огромное значение в деле развития классовой борьбы. Большинство из них уже давно вошло в историю, и память о них хранится в сознании миллионов рабочих. Но из всех имен имена первых борцов революционеров-рабочих особенно дороги пролетариату, как имена пионеров рабочего движения в России. Бурное время 70-х годов, осветившее ранний период рабочего движения в России, выделило не мало славных имен. Из них ткач Петр Алексеев, слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин навсегда останутся особенно дорогими российскому пролетариату. На этих трех лучших представителях рабочего класса последующие поколения лучше всего могут проследить зарождение рабочего движения в России.

1. Ткач Петр Алексеев.

Петр Алексеевич Алексеев родился в 1849 г. в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Неприглядное детство сына крепостного крестьянина, по бедности своей не могущего прокормить свою семью, омрачилось в ранней юности тяжелым фабричным трудом. 12 лет Петрухе уже нужно было поступить на ткацкую фабрику в Москве и пройти в ужасающих санитарных условиях при

17—18-часовом рабочем дне все этапы фабричной жизни. Но и в этих условиях дарования, заложенные в молодом Алексееве, не угасли. После 17—18-часового рабочего дня он находил все же время для того, чтобы выучиться самоучкой грамоте. Раз открывшиеся глаза не могли отказаться от света и знания. Чтение книг стало для него единственной отрадой в жизни.

Здесь на фабрике Алексеев сблизился с пропагандистами-народниками, через которых уразумел причины коренившегося рабства и пути освобождения рабочего класса. Оставив вскоре Москву, Алексеев переехал в Петербург и поступил на ткацкую фабрику Торнтона. Но и в Петербурге тяга к свету, к знанию и к людям, которые несли это знание, не ослабевала у Петра Алексеева. По совету своих товарищей, рабочих торнтоновской фабрики, осенью 1873 г. он отправился к одному из таких пропагандистов, чайковцу С. С. Синегубу, с просьбой подучить его «еометрии» и «еографии». В это время Петру Алексееву было уже 23—24 года, хотя он ничем особенным и не выделялся из среды своих товарищей.

Синегуб сразу обратил внимание на способности молодого ткача и усердно принялся проходить с ним начатки тех знаний, за которыми пришел Алексеев, попутно знакомя молодого ткача с социалистическим учением. Успех такой пропаганды был поразителен. Алексеев сразу проникся социалистическим учением и, раз усвоивши что-либо сам, уже не мог не поделиться приобретенным знанием с темной рабочей средой. Так постепенно из П. Алексеева вырабатывался тип рабочего-пропагандиста. Помимо Синегуба не мало внимания уделяла П. Алексееву и София Перовская, занимавшаяся с целой группой рабочих.

Но Синегуб вскоре был арестован и весь кружок чайковцев разгромлен. Арест руководителей не помешал однако Алексееву продолжать начатую пропагандистскую работу. В конце 1874 года Петр уже был известным пропагандистом и энергичным революционером в среде не только рабочих, но даже и интеллигенции.

Вот почему, когда приехавший к концу 1874 года из-за границы студент-грузин И. С. Джабодари с целью создать в России из об'единенного кавказского заграничного кружка.

кружка цюрихских студентов и рабочих, «Социально-революционную организацию». он первым делом познакомился с Петром Алексеевым и пригласил его в качестве организатора будущего революционного об'единения. Переехав из Петербурга в Москву, где предполагалось развернуть будущую организацию, вместе с братом своим Никифором и полурабочим, бывшим учителем Михаилом Грачевским, Петр Алексеев ревностно принялся за организацию Московского кружка.

Через его посредство, как рабочего, были завязаны широкие связи чуть не со всеми московскими фабриками. Благодаря этим связям были пристроены все члены кружка в качестве рабочих, как требовал того устав кружка. Здесь, в среде таких людей, как Джабодари, Чекоидзе, Зарубаев и революционно-восторженных девушек, русских студенток, как С. Бардина, Л. Фигнер, Б. Каминская, сестер Любатович, Субботиных и друг., окончательно оформился и окреп внутренний мир П. Алексеева. Но недолго продолжалась работа в Москве. 4-го апреля 1875 года по доносу видная часть кружка: Джабодари, С. Бардина, Б. Каминская и Агапов вместе с Петром Алексеевым были арестованы на конспиративной квартире в д. Корсак и посажены в тюрьму, как самые видные политические преступники.

Два года просидел П. Алексеев в доме предварительного заключения. За это время кругозор его еще больше расширился, благодаря усиленному чтению в тюрьме. Предстоял суд. Всех обвиняемых по Московскому кружку об'единили в один общий «процесс 50-и». И вот во время этого процесса, 10-го марта 1877 года Петр Алексеев произнес свою знаменитую, вошедшую в историю, речь. В своей речи он выступил уже не в качестве обвиняемого, а в качестве обвинителя самих судей и всей сановной камарильи, которая присутствовала на суде. Он выступил с речью о положении рабочих и крестьян в России, которые находятся в такой кабале, что им ничего другого не остается, никакой надежды, кроме революции. Сколько ни останавливал Алексеева председатель суда, ему все же удалось закончить свою речь пророческими словами, что «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Успех этой речи равносилен был победе. Перепуганные судьи сейчас же должны были устроить перерыв, так как со всех скамей подсудимых и защитников раздавались слова одобрения П. Алексееву. За свою смелую речь П. Алексеев поплатился 10-ю годами каторги. которые он отбывал сначала в харьковской центральной тюрьме, а потом на Каре. Выйдя после 10 лет каторги на поселение в Якутскую область, он умер в 1891 году.

2. Слесарь Виктор Обнорский.

К числу довольно крупных фигур рабочих революционеров принадлежит слесарь Виктор Обнорский, сыгравший громадную роль в рабочем движении 70-х годов, как один из самых просвещенных и образованных организаторов «Северного Союза Русских Рабочих», через которого просачивалось с Запада социал-демократическое влияние при выработке программы Союза.

По своему происхождению Виктор Обнорский принадлежал к семье очень бедного кронштадтского мещанина, который с большим трудом смог дать сыну образование в уездном училище. Но не успел еще Обнорский окончить училище. как ему пришлось поступить на один из петербургских заводов. От природы отличаясь богатыми способностями, а еще больше налегая на себя путем самообразования, Обнорский во время своего пребывания в Петербурге сблизился с кружком чайковцев. А так как в Обнорском ничего уже не было «серого», как у большинства рабочих, посещавших кружок, то Обнорский довольно быстро начал выдвигаться, как один из видных рабочих-пропагандистов.

Вместе со своими товарищами, такими же рабочими, как и сам.—М. Орловым, С. Виноградовым, С. Зарубаевым—Обнорский образовал первоначальную группу рабочих пропагандистов, которая повела усиленную деятельность среди петербургского пролетариата.

После разгрома кружка чайковцев осенью 1873 года Обнорский, едва улизнув от полиции, принужден был перейти на нелегальное положение. Переход на нелегальное положение в ту еще отдаленную эпоху ясно указывал, что Обнор-

ский представлял довольно крупную революционную силу, за которой уже следила полиция. Таким образом Обнорский являлся одним из первых рабочих, вступивших на нелегальный путь. Правда, нелегальным в Петербурге Обнорский пробыл не долго, вскоре ему пришлось покинуть столицу и перебраться в провинцию, где он проскитался более двух лет.

Возвратившись снова в Петербург уже во второй половине 70-х годов и сразу окунувшись в революционную жизнь, он начал принимать самое деятельное участие в каждом рабочем выступлении. Особенно влияние его сказалось на петербургских стачках в 1878 г. Рабочие любили Обнорского и уважали за его большую преданность рабочему делу, за его обширные познания, не уступавшие любому интеллигенту, любили за его умение привязывать к себе тянувшихся к знанию рабочих.

Все время имея дело только с рабочими, живя их интересами и подмечая основной характер их устремлений, Обнорский был одним из первых рабочих, который, не удовлетворяясь народнической программой, повел самую отчаянную борьбу с народниками из-за влияния их на рабочий класс. Под влиянием Обнорского и другой не менее крупный организатор Союза, Степан Халтурин, начал тоже постепенно отходить от народников-землевольцев. Но Халтурин был мягче, «деликатней», и оттого его отношение к землевольцам сохраняло черты более продолжительной дружбы. Если Халтурин и сделался впоследствии горячим противником народнической программы, «западником», как выражается о нем Плеханов, то на его «западничество» не малую долю влияния оказал именно Обнорский.

Когда вопрос об обособлении рабочего движения от народнического влияния был решен в умах передовых рабочих, как Халтурин, Виноградов, Петерсон и друг., рабочие приступили к собиранию своих сил в одну общую рабочую организацию. В качестве ближайших мероприятий был выдвинут вопрос об установлении связи с заграницей, дабы, познакомившись с рабочими программами других стран, согласовать с ними и свою программу. В частности на очередь был поставлен вопрос о приобретении своей рабочей типографии, в которой можно было бы печатать свою газету.

Для выполнения этих довольно ответственных поручений можно было выдвинуть только одного Обнорского, которого и откомандировали за границу. Обнорский выехал за границу летом 1878 г. и успел побывать в Англии, Франции и Германии. За границей Обнорский сблизился с набатовцами, русскими эмигрантами, группировавшимися вокруг органа «Набат», которые резко подчеркивали необходимость политической борьбы с правительством. За границей Обнорский сблизился и с таким видным представителем тогдашней мысли, как П. Л. Лавров. Но особенно он сошелся с П. Аксельродом, который хоть и был правоверным бакунистом в то время, но все же отличался довольно широким знакомством с европейским рабочим движением, в котором он довольно правильно определял самостоятельную роль пролетариата. Критикуя с анархической точки зрения германскую социал-демократическую партию, Аксельрод своими раз'яснениями хода рабочего движения, вопреки воле своей, способствовал тому, что Обнорский все больше и больше начал склоняться к взглядам именно германской социал-демократической партии.

Под влиянием знакомства с западно-европейским движением за границей у Обнорского начал постепенно складываться готовый план будущей рабочей организации в России. Возвратившись в Петербург, Обнорский помимо всех сведений о характере западно-европейского движения и его программах привез из-за границы готовый печатный станок. С возвращением его работа по организации Союза была поставлена в плоскость уже деловых, чисто реальных достижений. В конце декабря 1878 года формально Союз был учрежден, и выработана была программа. Но дальше по Союзу Обнорскому не пришлось поработать. Непосредственно после опубликования программы по доносу шпиона Рейнштейна он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где просидел около года в предварительном заключении. После его судили и приговорили к 10-и годам каторги. Каторга окончательно надломила силы Обнорского. Окончив срок каторги, он вышел на поселение, но это уже был надломленный человек. Вскоре его не стало, он умер в ссылке.

3. Столяр Степан Халтурин.

Среди всех перечисленных рабочих-революционеров Степану Халтурину принадлежит одно из самых почетных мест в истории рабочего движения. Являясь одним из первых организаторов «Северного Союза Русских Рабочих», Степан Халтурин неразрывными узами связан был почти с каждым этапом рабочего движения, с каждым отдельным его выступлением. Если Виктор Обнорский был «мозгом» организованного «Северного Союза», то Степан был его «душою», так как никто не был так связан кровными узами с интересами рабочих масс, как Халтурин.

Имя его давно уже вошло в историю не только рабочего движения, но и движения революционно-террористического. Степан Халтурин прошел абсолютно все этапы развития революционного самосознания, какими характеризовалось богатое время 70—80-х годов. Будучи самым верным сыном своего времени, Халтурин впитывал в себя каждое малейшее изменение в окружающей его общественной жизни и в конечных устремлениях своих далеко опередил свое время, наметив схему настроения будущей всероссийской рабочей партии. Образ Степана Халтурина дорог пролетариату потому, что это был первый рабочий вождь, неразрывно связанный со всем ходом революционного движения 70-х годов.

Сын зажиточного крестьянина Вятской губернии, Орловского уезда, дер. Холевники, Степан Халтурин родился 21-го декабря 1856 г. Детство его протекло довольно безмятежно. Двенадцати лет Степан поступил в Орловское училище, которое и окончил в 1871 году. Два года спустя Степана определили в Вятское училище по распространению технических знаний. Это было своеобразное учебное заведение типа среднего, где на ряду с общеобразовательными предметами преподавались и ремесла: столярное, слесарное, мыловарение, пивоварение и друг. Здесь, в этой школе, Степан хотя и пробыл всего лишь один год, но успел все же ознакомиться довольно основательно с столярным делом.

По характеру школьной обстановки, а самое главное— по составу своих преподавателей, Вятское училище отличалось глубоким демократизмом. На ряду со школьными занятиями, ученики черпали свои сведения в кружках самообразования, которые были довольно широко распространены среди молодежи гор. Вятки. Будучи еще школьником, Степан сблизился с целым рядом ссыльно-политических и под влиянием их сумел ознакомиться с нелегальной литературой, как, например, «Хитрая Механика», «Исторические письма» Миртова. Под влиянием нелегальной литературы у Степана начали постепенно складываться, сначала смутные, а потом уже более прочные, социалистические взгляды. Организовав самостоятельный кружок и задумав поездку всем кружком в Америку с целью создать там коммуну, Степан, пробыв в Вятском училище только один год, вместе со своими товарищами оставил училище и начал готовиться к поездке в Америку.

Но в Америку он не попал. Произошло одно недоразумение, в силу которого Степан отстал от своих товарищей еще в Москве. Предполагая, что товарищи проехали через Питер, Степан в погоне за ними очутился в Петербурге. Это было в конце весны 1874 года. В Петербурге Степан некоторое время скитался без работы, но потом вскоре определился столяром на один из заводов.

Близость к заводским рабочим, общее тяжелое экономическое положение последних, наличие кипучей неизрасходованной энергии, жаждавшей своего приложения, а главное, пролетарский инстинкт политической борьбы отрезвили Степана от юношеских мечтаний о поездке в Америку. Отказавшись от мысли об Америке, Степан с головой окунулся в рабочую жизнь, горячо принимая к сердцу каждое событие заводской жизни. Вскоре круг знакомства с рабочими у Степана расширился. Перейдя на другой завод, он и тут повел свою пропаганду.

Углублению его революционных убеждений способствовало и то, что он начал посещать интеллигентские кружки, сначала чайковцев у Александро-Невской заставы, где Кропоткин читал лекции об Интернационале, а потом и кружок лавристов. Но с лавристами Степан недолго был близок.

Отойдя от них, он сблизился с кружком бунтарей-бакунистов. Беря от них все ценное, что могли они дать для расширения революционного кругозора, Степан все же несколько держался в стороне от интеллигентских кружков, перенося все симпатии и всю энергию свою исключительно на пропаганду среди рабочих.

Вскоре у Степана завязался довольно обширный круг знакомства среди интеллигенции и рабочих. Побывав за четыре года своего пребывания в Петербурге чуть ли не на пятидесяти заводах и фабриках Петербурга, Степан естественно должен был стать самым популярным человеком среди петербургских рабочих. За эти годы из Степана выработался самый стойкий и самый ревностный революционер-организатор и агитатор. Сблизившись в это время с не менее выдающимся рабочим, Виктором Обнорским, они пришли к одной мысли—их одинаково не удовлетворяла народническая пропаганда землевольцев. С этой целью они решили создать чисто рабочую организацию.

Задумав организацию Союза, Степан усиленно начал изучать все европейские конституции, чтобы почерпнуть сведения о существующем политическом строе европейских стран, а также о постановке рабочего движения в Западной Европе. Считая полученные сведения недостаточно полными, он решил обратиться к самой жизни, начав собирать фактический и статистический материал о положении рабочих в Петербурге. Таким путем Степану удалось собрать ценные сведения о положении рабочего класса.

После от'езда Виктора Обнорского за границу Степан, в целях установления широких связей петербургской организации с провинциальными рабочими об'единениями, в 1878 г. предпринял об'езд крупных промышленных районов России, посетив таким образом Урал, Поволжье и другие места. Возвратившись в Петербург (к этому времени приехал из-за границы и Виктор Обнорский), Степан приступил к формальному открытию Союза. В декабре 1878 г. Союз был учрежден и была выработана программа. Вскоре после опубликования программы сподвижник Степана, Виктор Обнорский, был арестован, в результате чего все события петербургской стачки в январе 1879 г. целиком легли на Халтурина.

Потеряв крупного соратника по Союзу, Степан с удвоенной энергией окунулся в союзную жизнь. Необходимо было наладить типографию и ускорить выпуск газеты, редактором которой был избран Степан единогласно. Тем не менее, поработать Степану в Союзе пришлось недолго. Развивавшиеся политические события того времени, в виде террористических актов, после которых следовали массовые аресты, выбивали союзную жизнь из ее нормальной колеи.

Особенно правительственные репрессии обрушились на Союз после выстрела Соловьева в Александра II 2-го апреля 1879 года. Налетевший «вихрь злобы и разрушения» разметал Союз. Много трудов приходилось приложить Степану, чтобы снова наладить работу, но безрезультатно—политические строгости не давали ввести ее в нормальное русло.

Под влиянием правительственного террора, не дававшего наладить союзную жизнь, в сознании Степана начала постепенно закрадываться мысль противопоставить правительственному террору—террор революционеров. Мысль об убийстве царя, как самого главного виновника правительственного произвола, становилась для Степана чем-то в роде ближайшей задачи. «Убью царя, тогда у нас будут не такие Союзы»,—говорил Степан. И действительно, ему недолго пришлось колебаться. Непосредственно после возвращения террористов-народовольцев в Петербург после Липецкого и Воронежского с'ездов, осенью 1879 г., Степану предложено было войти в террористическую партию «Народная Воля» в качестве агента, с целью совершить покушение на царя. Степан согласился и осенью поступил во дворец в качестве столяра. После пяти месяцев напряженного внимания, Степану удалось пронести во дворец маленькими порциями около 3-х пудов динамита, и 5-го февраля 1880 г. Степаном был взорван Зимний дворец. Взрыв был совершен по всем расчетам, что под обломками дворца погибнет и самый главный виновник всех несчастий России, император Александр II. Но царь остался жив, не получив никаких повреждений.

После взрыва Зимнего дворца Степан еще два года работал, как агент, а потом и как член Исполнительного Комитета партии «Народная Воля». Мечтая о возвращении

к рабочей дятельности, он в то же время оставался террористом. В 1882 г. по поручению Исполнительного Комитета «Народной Воли» Степан участвовал в покушении на одесского прокурора Стрельникова. Прокурор был убит Желваковым, но последнему уйти не удалось—он был задержан прохожими. Халтурин, видя арест своего товарища, бросился ему на помощь и также был арестован. После короткого суда их приговорили к смертной казни. 22-го марта 1882 г. Степан вместе с Желваковым был повешен в Одессе.

XVIII

Кризис промышленности и террористический уклон в рабочем движении

На примере такого видного рабочего революционера, как Степан Халтурин, можно видеть, что начавшийся террористический уклон в революционном движении в конце 70-х годов начал захватывать собою и рабочих. Правительственный белый террор в первую голову производил разрушение рабочих организаций, в которых членами являлись преимущественно легальные рабочие. Союзных рабочих правительству легче было вылавливать, чем нелегальных революционеров-террористов. И действительно, благодаря целому ряду полицейских налетов, Союз в скором времени растерял своих членов и неминуемо должен был рассыпаться.

К этому времени начал постепенно обозначаться промышленный кризис, который способствовал снижению рабочего движения. После некоторого оживления промышленности в 1877—78 гг. в связи с турецкою войною, рабочее движение начало быстро развиваться и подыматься в гору. С временем этого под'ема связаны стачки 1878—79 гг. и, как результат их,—создание «Северного Союза Русских Рабочих».

Но промышленность может развиваться не иначе, как толчками. Вслед за промышленным под'емом наступает застой. Обозначившийся промышленный кризис в конце 70-х годов продолжал развиваться чуть не целое десятилетие вплоть до конца 80-х годов, когда снова началось промы-

шленное оживление, а вместе с ним и оживление рабочего движения. Но пока в конце 70-х годов рабочие массы должны были претерпеть разлагающее влияние промышленного кризиса, благодаря которому массовое движение рабочих начало клониться к упадку. Разгромленный Союз уже не мог найти себе почву, чтобы снова восстановить свою деятельность.

Успевшие образоваться за время промышленного под'ема передовые, как бы верхушечные, слои рабочих выбывали из строя, многие из них были арестованы, а часть должна была покинуть свои места и выехать из Петербурга. Будучи не в силах наладить массовое движение рабочих, оставшиеся наиболее энергичные рабочие начали постепенно склоняться к террористической деятельности народовольцев. К этому невольно толкал и самый ход исторических событий, с головокружительной быстротой развивавшихся на глазах у рабочих. Не обошлось здесь, конечно, и без своеобразного «гипноза» террористической борьбы. После каждого нового террористического акта надежды на ближайшее лучшее будущее окрыляли рабочих, они все больше и больше стали проникаться симпатиями к партии «Народная Воля», стойко продолжавшей борьбу с правительством.

А так как народовольцам необходимы были все новые и новые силы для борьбы с правительством, которые они черпали из революционных слоев интеллигенции и рабочей среды, то естественно, что народовольцы повели широкую агитацию и среди рабочих, выдвигая основное свое положение, что террористическая борьба при создавшихся условиях является единственным средством ближайшего государственного переворота.

Для партии «Народная Воля» рабочий класс в целом попрежнему не существовал. Опираясь на отдельных представителей рабочего класса, партия в то же время опиралась и на войско и на студенчество. Как те, так и другие одинаково являлись для партии основными резервами, откуда она черпала нужных ей людей для своих террористических целей.

Рабочие для партии необходимы были только как агенты, как «герои», бесстрашно идущие на выполнение террористического акта. Отсюда вполне понятно, что народовольческая агитация среди рабочих не носила массового характера,

а сосредоточивалась лишь исключительно на вербовке отдельных героических личностей. Партии удалось таким образом оттянуть из рабочей среды наиболее энергичных борцов: Андрей Пресняков, Степан Халтурин, Степан Ширяев, Тетерка, Панкратов и ряд других—вот имена тех рабочих, которые вступили на путь террористической борьбы.

Если у партии и существовали свои «рабочие группы», с которыми народовольцы вели самостоятельную работу, если у этих групп и существовала своя «рабочая программа», то задачи, намеченные ею, не выходили за пределы общей народовольческой программы. Это была уже не классовая программа, а «программа рабочих членов партии», рабочих, подготовлявшихся к моменту совершения переворота. Не выходили за пределы террористической борьбы и специально созданные «боевые дружины рабочих», на которые возлагались все те же террористические задачи.

Таким образом к началу 1880 г. среди петербургских и московских рабочих появилось немало сторонников партии «Народная Воля», для которых издавалась даже «Рабочая Газета». Словом, деятельность народовольцев среди рабочих ограничивалась исключительно пределами террористической агитации, выработкой кадров рабочих террористов в качестве подсобников и агентов развернувшейся террористической борьбы.

Точно так же не сумела пустить глубокие корни и вторая часть разделившейся «Земли и Воли»—партия «Черный Передел». Оставаясь по существу народниками старого толка, чернопередельцы, хоть и включали в свою программу положение, что «в основе общества лежат, главным образом, отношения экономические», тем не менее по существу своему не выходили за пределы бакунизма, отрицавшего самостоятельную роль рабочего класса в революции. Но «Черный Передел» вскоре прекратил свое существование. Из чернопередельцев только на одного Плеханова опыт классовой борьбы пролетариата 70-х годов оказал свое влияние. Став основоположником русской марксистской мысли, Плеханов в своих теоретических положениях исходил лишь из факта развития рабочего класса в России. Отход Плеханова от народничества произошел все же значительно позднее. К началу 80-х годов

рабочее движение уже ясно вступило в длительную полосу революционного затишья, явившегося следствием промышленного кризиса, который затянулся на целый десяток лет. Лишь к концу 80-х годов рабочее движение снова начало заметно подниматься, но теперь уже как движение социал-демократическое, свободное от народнического влияния: Морозовская стачка в 1885 г. явилась первым серьезным выступлением рабочего класса на новом революционном пути.

XIX

Заключение

Окидывая беглым взглядом пройденный путь рабочего движения в России за период 70-х годов, можно установить, что в этот промежуток произошло если не полное, то во всяком случае частичное оформление российского пролетариата, как класса. Выйдя из политически-аморфной массы крестьянства, рабочий класс России, благодаря перенесению форм западно-европейской промышленности в ее готовом виде, не пережил того затяжного периода оформления себя, как класса, какое имело место у большинства западно-европейских стран.

Под влиянием быстро развивавшейся промышленности началось и быстрое оформление рабочего класса. Правда, первые шаги этого оформления не носили еще ясного классового характера. Пролетариат, выходя на арену политической борьбы, выступал не в качестве нападающей силы, а в качестве пока еще обороняющейся, отражая лишь проявления перешедшего всякие границы экономического гнета. Хотя 70-е годы прошлого столетия и характеризуются оборонительным положением рабочего класса, тем не менее в этом движении можно проследить наличие двух резко выраженных периодов: первый — чисто оборонительный, который представлен стачками на Невской бумагопрядильне в 1870 г. и Кренгольмской в 1872 г., и второй — в движении конца 70-х годов, когда на ряду с требованиями отмены вводимых

«новых правил» рабочий класс уже частично переходит в наступление, выдвигая требования сокращения рабочего дня и повышения заработной платы; что имело место, например, в стачках 1878—79 гг.

Такой быстрый переход русских рабочих от оборонительного положения в состояние наступления, совершенный в первое десятилетие развития промышленности, ясно характеризует громадные скрытые силы российского рабочего класса.

Быстрому развитию сознания рабочего класса в значительной степени способствовало проникновение в среду рабочих масс революционной пропаганды и агитации, которые, обостряя социальные противоречия, толкали рабочих на путь классового об'единения и выявления своих чисто классовых интересов и классовой борьбы.

Только под влиянием революционной пропаганды народников раннего периода, с одной стороны, и скачкообразного развития русской промышленности, не сумевшей наладить производство без резких форм экономического закрепощения, с другой, и можно об'яснить, что во второй половине 70-х годов пролетариат начинает осознавать себя, как единый класс, стремящийся к созданию своих классовых об'единений. «Южно-русский рабочий Союз», «Северный Союз Русских Рабочих» это—первые попытки создания рабочих партий, это—до некоторой степени прообразы будущей Коммунистической партии.

Таким образом в самых истоках своих, в колыбельный период своего существования рабочий класс не только не отставал от общего революционного движения в России, но и значительно обгонял его, оставив даже далеко позади себя движение революционной интеллигенции, определив резкий курс своего движения в сторону политической борьбы. Утопически построенное революционное движение интеллигенции не только не слилось с рабочим движением, но, наоборот, пыталось даже подчинить его своим утопическим положениям. Ближайшее будущее, даже настоящее 70-х годов, достаточно красноречиво вскрыло всю научную необоснованность народнических положений. Народничество рухнуло не только под давлением правительственных репрессий, но ско-

рее под напором новых форм политической борьбы, которую нес с собою рабочий класс.

Если бы революционное движение 70-х годов слилось с движением рабочих и, слившись, уделило, по выражению Плеханова, хотя бы «половину тех сил и средств, которые потрачены были на поселения и разные агитационные опыты в крестьянстве, то к концу 70-х годов социально-революционная партия твердо стояла бы уже на русской почве». Но революционное движение 70-х годов не потрудилось достаточно глубоко продумать наличие факта перехода России на капиталистические рельсы, а вместе с ним и образование рабочего класса. Совершив грубейшую историческую ошибку, оно должно было в самое ближайшее время сойти на-нет и погибнуть. Революционное народничество быстро изжило себя, единственной движущей силой революции в России мог остаться только рабочий класс. Таковы были итоги конца 80-х годов. В этом отношении глубокий исторический смысл имели слова Г. В. Плеханова, сказавшего в речи своей при открытии II Интернационала в 1889 г., что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Настоящее подтвердило эти более чем пророческие слова.

7-го ноября 1924 г.

Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Предисловие 3
I. Рабочее движение в крепостной период 5
II. Развитие капитализма и рост промышленности 11
III. Процесс образования рабочего класса 16
IV. Положение рабочего класса 20
V. Стачка на Невской бумагопрядильне в 1870 г. 24
VI. Стачечное движение в провинциальной России в начале 70-х гг. 28
VII. Начало революционной пропаганды среди рабочих 31
VIII. „Всероссийская социально-революционная организация“ . . . 35
IX. „Южно-русский рабочий Союз“ Заславского в Одессе в 1875 г. 38
X. Общество „Земля и Воля“ и отношение его к рабочему классу 42
XI. Рабочие демонстрации 70-х годов 47
XII. Февральская стачка на Новой бумагопрядильне в 1878 году . 51
XIII. Противоречия народнической пропаганды с практикой рабочего движения 55
XIV. „Северный Союз Русских Рабочих“ 58
XV. Петербургские стачки 1878—79 гг. 62
XVI. Рабочее движение в провинции к концу 70-х годов 66
XVII. Рабочие вожди 70-х годов 70
1. Ткач Петр Алексеев . . . . . —
2. Слесарь Виктор Обнорский 73
3. Столяр Степан Халтурин 76
XVIII. Кризис промышленности и террористический уклон в рабочем движении 81
XIX. Заключение 85

Цена 40 коп. 3880

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:
В ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТ-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА, Новая пл., Б. Черкасский пер., д. 7.
Магазины: Комсомольский—Неглинный проезд, д. 8.
Пионерский—Тверская, д. № 37.
ЛЕНИНГРАД, Пр. „25 Октября“, д. № 54.